

Александр
Матоников

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРАХ

СПЕЦНАЗ
ЧЕСТЬ ИМЕЮ

ГОРНАЯ АТАКА

Генеральский риск

Тамоников. Честь имею

Александр Тамоников

Горная атака

«ЭКСМО»

2007

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Тамоников А. А.

Горная атака / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2007 — (Тамоников. Честь имею)

ISBN 978-5-699-26244-1

Афганистан. Ограниченный контингент советских войск. После того как русские спецназовцы разгромили лагерь подготовки боевиков на территории Пакистана, моджахеды готовят ответный удар. Главарь моджахедов Мехмед Хикмат планирует заманить в горы группу нашего спецназа, используя четырех плененных советских бойцов. Генерал Еременко, вовремя проинформированный о замыслах противника, решает сделать вид, что клюнул на этот крючок, – и провести операцию возмездия. Книга также выходила под названиями «Карательный отряд» и «Холодный свет луны».

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-26244-1

© Тамоников А. А., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Тамоников

Горная атака

Все изложенное в книге является авторским вымыслом. Всякое совпадение непреднамеренно и случайно.

Глава 1

Квадрат «Z». Район, где планируется силами советских подразделений специального назначения провести операцию по уничтожению особого лагеря подготовки боевиков, базирующейся на его территории специальной карательной команды «Призраки», а также планируется освободить содержащихся в лагере военнопленных. Реализация задач боевой операции «Охота на призраков». Граница Афганистана и Пакистана. 20 июня 1985 года, четверг.

Командир отряда спецназа КГБ «Карат-2» майор Дросов проснулся в 7.00.

Умывшись, решил заняться физической зарядкой, но со склона перевала его окликнул связист подразделения, прапорщик Олимов:

– Командир! Буйный на связи!

Буйный – позывной командира штурмовой роты капитана Сергиенко, перебрасываемой в квадрат «Z» для поддержки и прикрытия отряда спецназа в предстоящей операции.

Майор посмотрел на часы.

– Интересно, где сейчас находится рота? По времени, в 4 часах ходьбы от нас. А это значит – где-то на входе в верхнее ущелье. Наверное, ротный прикидывает, как лучше пройти заключительный участок марша. Что ж, поможем Сергиенко.

Дросов ответил:

– Я – Карат-2! Приветствую Буйного!

Командир роты произнес:

– Взаимно! К встрече готовы?

– Конечно! Остается узнать, где вы?

– В ущелье! Идем по вашему следу!

Майор удивился:

– Уже в ущелье? Резво вы, однако, идете! Мысли попробовать прошупать нижнее ущелье не возникало?

– А зачем? Если оно сокращает путь, то ты, Карат-2, еще вчера сообщил бы это Первому. Я не прав?

Дросов усмехнулся:

– Прав, Буйный! На все сто процентов прав! Когда планируешь выйти в Хайдарский проход?

– В полдень! Может, раньше! Как получится. Но ты кого-нибудь из своих выведи навстречу разведывательному дозору часам к одиннадцати, добро?

– Без проблем!

– Тогда до встречи, Карат-2!

– До встречи, Буйный!

Передав наушники с микрофоном связисту, Дросов спустился на дно ущелья. Вызвал старшего лейтенанта Круглова и прапорщика Каримова. Дождавшись подчиненных, поставил задачу:

– Ты, Круглов, остаешься здесь за меня, мы же с Каримовым пойдем в проход.

Старший лейтенант спросил:

- Рота на подходе?
- Как это ты сообразил? Удивительно.
- Да ладно, командир! В общем, задачу понял. Выполняю!
- Давай, Володя, выполняй. И как говорят наши недруги, да поможет тебе Всевышний.
- Обойдусь без его помощи!
- Ну, тогда вперед, старлей!

Круглов поднялся на позицию пункта связи. Дросов с Каримовым спустились в проход. Убедились, что он в пределах видимости, чист, вышли к воротам верхнего ущелья. Держа в поле зрения подходы к воротам, стали ждать выхода из ущелья передового дозора роты.

Основными причинами принятого в Москве решения по проведению боевой акции в Пакистане явилось, во-первых, то, что на территории сопредельного с Афганистаном исламского государства руководством так называемого Движения сопротивления советской оккупации Афганистана были созданы лагеря по подготовке моджахедов для ведения террористической войны против частей и соединений отдельной 40-й армии. Во-вторых, то, что на территории особого лагеря, расположенного недалеко от пакистанского города Чевара и под командованием известного, кровавого и влиятельного среди бандитов полевого командира Абдула Фархади, содержались советские военнопленные – невольники, которых люди Фархади пытались заставить служить в формируемой предателем своей страны бывшим полковником Советской Армии Эркином Довлатовым бригаде «Свобода». Их пытались заставить воевать против своих соотечественников, применяя к пленным самые жесткие меры давления, включая массовые, показательные казни тех, кто отказывался повиноваться моджахедам. Третьей причиной принятого решения явилось то, что под непосредственным руководством Фархади подчиненные ему отряды Азиза Карамулло, Нури и Хана постоянно совершали рейды в Афганистан с целью уничтожения советских военных колонн, нападения из засад на воинские подразделения, проведения диверсий. А также то, что с территории лагеря Фархади в Афганистане действовала карательная спецкоманда «Призраки», состоящая из десяти подонков, не только предавших Родину, но и утеревших человеческий облик, превратившихся в обезумевших от крови зверей. Эта команда проводила акции против мирных жителей небольших афганских населенных пунктов под видом солдат частей ограниченного воинского контингента. Действовали каратели жестоко, расстреливая и вырезая целые кишлаки, не щадя ни мужчин, ни женщин, ни стариков, ни грудных младенцев. Их зверства снимались на пленку проводником-оператором, а затем Фархади продавал пленки представителям западных, реакционных СМИ. В результате чего сам главарь бандитов получал приличный доход, а «свободный мир» возмущался и негодовал по поводу «невиданной жестокости» советских военнослужащих в Афганистане. Командовал «Призраками» бывший офицер Советской Армии, капитан Иванов, как и Довлатов, в свое время добровольно перешедший на сторону моджахедов. Перешедший, дабы на крови невинных жертв террора заработать деньги и возможность в дальнейшем обеспечить себе безбедную жизнь в одной из стран – все того же «справедливого, свободного, демократичного» Запада, – охотно предоставляющих гражданство и подданство мерзавцам, чьими злодеяниями так возмущаются с экранов телевизоров и страниц своих «несомненно правдивых и непредвзятых» телепрограмм, газет и журналов сотрудники этих самых средств массовой информации.

Подобное положение дел Москва терпеть не желала, а посему к границе с Пакистаном первоначально был переброшен отряд специального назначения КГБ «Карат-2», подготовивший район для принятия и размещения более крупного специального подразделения – штурмовой роты отдельного батальона спецназа из состава резерва командующего армией – с задачей раз и навсегда решить проблему с лагерем Фархади.

Справедливости ради следует отметить, что подонку Довлатову так и не удалось создать даже подобие бригады. Пленные всячески саботировали потуги полковника-предателя сколо-

тить спецподразделение, что реально грозило им смертной казнью. Поэтому Фархади решил сформировать вторую карательную команду, командиром которой планировал назначить старшего лейтенанта Баженова, плененного душманами Карамулло в результате контузии, полученной в ходе боя на Тургунском перевале, где моджахедам удалось уничтожить и автомобильную колонну, и мотострелковый взвод боевого охранения. Вместе с Баженовым в плен попали и двое его подчиненных. Внешняя разведка, активно работавшая в Пакистане, через командира группы американских инструкторов, сержанта Энди Слейтера вошла в контакт со старшим лейтенантом, но ответная реакция на предложения разведчиков пока была неизвестна. Впрочем, это не имело решающего значения. Более того, разведка, вербуя офицера, рассчитывала на то, что Баженов сдаст контакт Фархади, что отвлекло бы внимание полевого командира от готовившейся неподалеку от лагеря и кишлака Чиштан операции «Охота на призраков». Сдал ли Баженов Абдулу Фархади интерес советской разведки к подчиненному ему лагерю, не сдал, но отряд спецназа «Карат-2» без проблем занял рубеж подготовки штурма особого объекта. И сегодня, 20 июня, в 10.30 майор Дросов ждал появления в Хайдарском проходе бойцов передового дозора штурмовой роты капитана Сергиенко.

Каково же было удивление Дросова, когда после встречи дозорных к ним вышли капитан – командир роты и... генерал Еременко.

Майор изумленно проговорил:

– Вы? Здесь?

Генерал рассмеялся:

– Что, не ждал, Сергей Иванович?

– Да уж сюрприз, ничего не скажешь.

– А не надо ничего говорить, надо докладывать как положено! Ну?

Дросов доложил:

– Товарищ генерал, отряд «Карат-2» установил контроль над лагерем террористов и прилегающей к нему территорией!

Еременко кивнул, указал на капитана:

– Знакомьтесь, это командир десантно-штурмовой роты, капитан Сергиенко Олег Михайлович, Герой Советского Союза.

Генерал перевел взгляд на спецназовца:

– А это командир отряда спецназа «Карат-2» КГБ майор Дросов, без звездочки на лацкане кителя, но тоже герой.

Офицеры пожали друг другу руки.

Майор спросил:

– Неужели и вы, товарищ генерал, вместе с ротой последний этап шли?

– Нет, Сережа. Я на арбе ехал! Ты еще никак не придешь в себя? Встряхнись. А то вопросы, извини, глупые задаешь. Или я, по-твоему, рухлядь штабная, не способная пройти 40 верст пешком? Да я еще тебе фору на марше дам!

Дросов улыбнулся:

– А вот тут вы явно загнули, Сергей Дмитриевич. Но отдаю должное вашей прекрасной физической подготовке.

Генерал махнул рукой, словно отгоняя муху:

– Ладно! Достаточно пустых разговоров. Веди роту к месту ее временного размещения. Да готовься доложить план реализации задач по операции «Охота на призраков»! Надеюсь, ты уже принял решение?

– Конечно, принял, товарищ генерал!

Майор вызвал прапорщика Каримова:

– Шерали! Давай к передовому дозору и води его в наше, приграничное ущелье. Я с генералом, капитаном и ротой – следом!

– Есть, командир!

Прапорщик догнал бойцов-разведчиков, и рота начала последний переход. В 12.50 Сергиенко по схеме спецов развел взводы роты по ранее определенным местам временного размещения.

Генерал с Дросовым и Сергиенко поднялись на пункт связи отряда спецназа.

Еременко приказал связисту:

– Прапорщик, свяжитесь с Кленом, сообщите, что оперативно-тактическая группа вышла в заданный район.

– Есть! – ответил Олимов и принялся вызывать Клен.

Круглов спустился вниз. Генерал взглянул на Дросова:

– Здесь будешь раскрывать план или поднимемся на один из постов наблюдения?

Майор ответил:

– Лучше поднимемся на пост. С вершины перевала будет удобнее докладывать о решении, которое предлагается к утверждению!

– Тогда продолжим подъем!

Дросов вызвал Гориленко:

– Рассвет-1! Я – Карат-2! Идем к вам с гостями! Обеспечь прием!

– Понял тебя, Карат-2! – ответил капитан. – К приему гостей готов!

Гориленко также очень удивился, увидев на позиции самого генерала. Еременко спросил начальника поста:

– Как обстановка, капитан?

– Все нормально, товарищ генерал. В лагере спокойно. Бандиты занимаются по своему распорядку дня. Лагерь в сторону Чевара никто не покидал. Передвижения людей были лишь из кишлака и обратно.

– А Фархади?

– Он оставался на объекте. Сейчас Фархади в помещении второго этажа одиночного здания. Оно хорошо видно отсюда.

– Здание вижу! Значит, Фархади ночь провел в лагере. Почему?

– А черт, извините, кто его знает, товарищ генерал, может, готовит очередную пакость.

– Возможно!

Еременко повернулся к Дросову:

– Докладывай свой план штурма объекта!

Майор кивнул в сторону лагеря:

– Две балки справа и слева от объекта видите?

– Не слепой!

– Так вот. Предлагаю этой ночью вывести отряд в южную балку и...

Генерал перебил Дросова:

– Но, по данным разведки, вход в нее заминирован.

– Уже разминирован. Там сейчас находится прапорщик Стрекаленко. Он не только сделал проход в минном поле, блокирующем вход в балку, но проверил и весь овраг. Тот чист от мин.

– Дальше! – кивнул Еременко.

Майор продолжил:

– Отряд ночью входит в балку. Рота капитана Сергиенко ближе к рассвету группируется у выхода из Хайдарского ущелья. В 5.00 я применяю ликвидаторы минных полей и по проходам врываюсь в лагерь с южного фланга. Отряд выходит непосредственно к барaku, где размещены «Призраки», американские инструкторы и наш старший лейтенант Баженов. Отморозков уничтожаем на месте, американцев разоружаем, Баженова временно выводим из строя. Но можем и инструкторов уничтожить.

Еременко сказал:

– Не стоит! Пусть уходят из лагеря, если их духи сами не пристрелят.

Майор ответил:

– Понял! Итак, отработав барак № 2, отряд полностью уничтожает охрану лагеря. Затем берет под контроль склады и штурмует логово Фархади, если тот вечером не уйдет с объекта. Освобождаем пленных и вместе с ними отходим к Хайдарскому проходу.

Генерал взглянул на Дросова:

– А чем же у нас будет заниматься рота Сергиенко? Со стороны наблюдать, как твои ребята громят лагерь?

– Да нет, Сергей Дмитриевич. Не получится подчиненным Олега Михайловича быть зрителями на этом кровавом спектакле! Обратите внимание на кишлак, что севернее лагеря. В нем на настоящий момент находятся остатки банды Карамулло да две полноценные смены внутреннего караула, что несут службу на объекте. Не исключено, что в кишлаке размещен и резерв сил Фархади. Второй пост наблюдения за сутки насчитал в Чиштане более ста мужчин. Они вооружены и организованны. Как поведут себя моджахеды, поняв, что лагерь подвергся нападению неизвестных сил? Конечно, есть вероятность того, что Карамулло может удержать духов в лагере. Чтобы после гибели Фархади занять его место. Но вероятность эта мала. Скорее всего моджахеды пойдут к лагерю. Понятно, не за тем, чтобы с почестями проводить нас, дерзких русских, пришедших из Афгана освободить своих пленных. Банда у кишлака попытается уничтожить отряд. Я думал над тем, как лучше это сделать с точки зрения моджахедов. И пришел к выводу – моджахеды в первую очередь попытаются отрезать нас от границы. Следовательно, блокируют Хайдарский проход, что возможно, лишь вытянув банду вдоль западного периметра. Оттуда попробуют нанести по лагерю контрудар. И вот чтобы духи не успели сделать это, роте Сергиенко предстоит опередить банду, атаковав ее с тыла! Десантники без проблем разделяют духов и Карамулло, и Фархади, и мы спокойно выведем из лагеря наших пленных, а заодно, если получится, прихватим и господина Довлатова. Остальные нам в принципе не нужны. Штурм следует провести максимум за двадцать минут, что реально. Еще полчаса на разборки с бандой Карамулло и людьми Фархади из кишлака. Затем быстрый отход на территорию Афганистана. Или примем транспортные вертушки в самом лагере!

Генерал переспросил:

– В лагере? «Ми-8» ты предлагаешь сажать на объекте?

– Это как вариант. Можно пленных отправить и из прохода, там вертолеты тоже смогут приземлиться. Но сам отход займет более получаса. Следовательно, операция затянется на 1 час 20 минут, как минимум. А этого времени хватит, чтобы либо Хикмат подтянул к лагерю свой отборный полк, либо пакистанцы подняли в воздух авиацию. С полком, в котором всего три роты недобитков, на наших БМП-1 мы разберемся. А вот авиация, пусть и пакистанская, – это серьезно! Нам бы уложиться в час. Но не получится!

Сергиенко улыбнулся:

– Все получится, майор! Против авиации противника у меня в роте есть противоядие – восемь переносных зенитно-ракетных комплексов «Стрела». И зенитчики во взводах шустрые. Отобьем атаку с воздуха!

Генерал посмотрел на капитана:

– Что, будем сбивать пакистанскую авиацию в ее же воздушном пространстве?

– А разве будет лучше, если их штурмовики и вертушки положат роту с отрядом и пленными у самой границы?

Еременко отполз от вершины на выступ склона. За ним последовали майор Дросов и капитан Сергиенко. Спецназовцы с ходу нашли общий язык, они понимали друг друга с полуслова, посему поддерживали друг друга. Генерал видел это. Но план, предложенный Дросовым, грозил обернуться крупным международным скандалом. Конечно, разрабатывая варианты

освобождения пленных и уничтожения отряда карателей из числа бывших военнослужащих Советской Армии, в Москве понимали, что скандала в любом случае не избежать. Но одно дело, если советские спецподразделения будут действовать против афганских моджахедов, держащих пленных на территории соседнего государства, и совсем другое дело, если эти же спецподразделения вступят в бой с войсками регулярной армии Пакистана. Поэтому генерал ответил:

– Я выслушал твое решение, майор! Вижу, и командир штурмовой роты поддерживает предложенный тобой план. Но утвердить его пока не могу. Надо подумать! Тем более время для этого есть. Свое решение по плану отработки лагеря подготовки моджахедов я сообщу не позднее 18.00 сегодня. Одно обещаю: мы не уйдем отсюда, не уничтожив карателей и не освободив пленных! Все! Следующее совещание на посту наблюдения в 18.00! Дросов, распорядись, чтобы связист оборудовал рядом со своим пунктом местечко и для меня.

– Сделаем, Сергей Дмитриевич! Только вы особо голову не ломайте. Что бы мы ни планировали, все будет решаться во время штурма!

– Мне, Сережа, это не хуже, чем тебе, известно! Занимайтесь делами!

Ни генерал Еременко, ни майор Дросов, ни капитан Сергиенко даже предположить не могли, что все их планы обречены на провал. Обречены событиями, которые начали разворачиваться в особом лагере, как только генерал с офицерами покинули пост наблюдения капитана Гориленко.

А началось все с того, что сержант Лебедев в 14.10 вновь собрал у торца барака своих товарищей, рядовых Петрова, Вялого, Щеглова и Котенко.

Оглядев друзей по неволе, спросил:

– Ну что, пацаны? Наступил день, когда мы должны окончательно решить, пытаться бежать, чтобы снова обрести свободу, или так и остаться навсегда рабами вонючего Фархади.

Петров добавил:

– Или получить пулю при попытке к бегству.

Лебедев взглянул на него:

– А разве пуля не то же освобождение? Впрочем, я никого не принуждаю. Кто чувствует, что не сможет сделать то, что надо будет сделать, пусть скажет здесь и сейчас.

Щеглов сплюнул в пыль:

– Да хватит тебе, сержант, ерунду говорить. Когда начнем?

Лебедев повернулся к Котенко:

– Кого товарить будем выбрал?

Рядовой кивнул:

– Выбрал! Узбеков. Я с одним служил вместе. Пацан свой. Намекнул, что нужна потасовка. Он сказал: нужна, значит, будет!

Лебедев повысил голос:

– Ты что, урод, раскрыл какому-то узбеку наши планы?

– Охренел? Просто сказал: нужна потасовка, мол, не мешает в лазарете от всей этой бодяги отдохнуть!

– Ну, смотри, Миша! Если что, я тебя первого завалю.

В разговор вступил Вялый:

– Да хватит вам собачиться! Одно дело предстоит делать. И подыхать, если проколемся, тоже будем вместе. Духи никого не пощадят! Говори, сержант, когда начинаем?

Лебедев проговорил, успокоившись:

– Короче, в пять часов у меня очередная беседа со старлеем-шакалом. Как только выйду за колючку да отойду с ним в сторону, начинайте! Главное – больше шума. Чтобы вооруженная охрана бросилась разнимать. Разоружить ее и огонь по вышкам!

Щеглов вздохнул:

– Если часовые первыми из пулеметов по толпе не ударят!
– Так опередить их надо! А я духами, что старлея охраняют, займусь.
– Как бы они тобой не занялись. Нет, Лебедь, ты лучше до поры до времени в заваруху не влезай, держись в стороне. А вот как рванем к «Хаммеру» американскому, тогда и коси пуштунов вместе со старлеем.

Сержант согласился:

– Ладно! У кого заточка?
– У меня, – ответил Петров.
– Давай сюда! Да незаметно! Порядок! Ну все. Вместе не гуртоваться, но и не тереться в толпе. Если кто верит в бога, помолитесь. Не помешает! Я бы помолился, да не верю. Ни в бога, ни в черта! Ладно, до пяти разошлись!

*Особый лагерь подготовки афганских моджахедов
недалеко от Чевара. 20 июня, четверг. 17.00.*

Строго в определенное время Баженов, сопровождаемый ставшими уже привычными пуштунами, подошел к охраняемой калитке периметра ограждения барака № 1. Тут же от толпы пленных, находившихся во дворе, отошел сержант-десантник. Он также подошел к калитке:

– Здравия желаю, господин старший лейтенант!
В его голосе звучали нотки то ли иронии, то ли скрытой за иронией враждебности.
– Здравствуй, Лебедев! – ответил офицер. Он кивнул пуштунам. Те отдали команду часовому, сержанта выпустили за ограждение. Баженов отвел его в сторону:
– Как успехи, Игорь Семенович?
Десантник усмехнулся:
– Все, как говорят американцы-инструкторы, полный о'кей!
– Даже так?
– Да! Сколотил я нужную группу.
– Мне нужны списки.
– Чуть позже!
– Что значит чуть позже?
– А это значит, старший лейтенант, что я назову тех, кто решил предать Родину, чуть позже!
– Я не понимаю тебя, сержант!
– Скоро все поймете!

Баженов насторожился. Лебедев сегодня вел себя не как всегда. И руку засунул в карман, чего ранее не допускал. Что у него в кармане? Списки? Но он не стал бы держать их при себе в лагере. Это смертельно опасно. Оружие? Но он не мог иметь оружия. Так что?

Размышления старшего лейтенанта прервали крики, которые начали доноситься от барака. Кто кричал, не разобрать. Но означали они одно: разыгравшуюся крупную ссору.

Баженов взглянул на Лебедева:

– Что происходит в лагере, сержант?

Десантник с наигранно безразличным видом пожал плечами:

– А черт его знает! Там каждый день что-то да происходит. Пацаны одичали, терпеть друг друга не могут. Особенно неприязнь проявляется между славянами, кавказцами и азиатами. Вот, наверное, кто-то и наехал на кого-то. Может, сигарету не поделили, не знаю! Да и плевать мне на это! Поорут, морды друг другу набьют, успокоятся.

– Да нет! Это не простые разборки.

Драка во дворе барака между тем усиливалась. И вдруг все находившиеся в нем пленные принялись месить друг друга.

Охранники подняли тревогу. Над лагерем взвыла сирена. Пуштуны вскинули автоматы, но пока не стреляли. Не стреляли и пулеметчики на вышках, но они готовы были открыть стрельбу. Из караульного помещения показалась резервная группа караула. От штаба с десятком охранников к барaku спешил комендант лагеря Абдужабар.

Сержант вытащил руку из кармана. И, как он ни прятал холодное самодельное оружие под рукавом кителя, Баженов заметил блеск стали. Взглянул на Лебедева:

– Заточка?

Десантник дернулся, но остановился. Вопрос офицера явился для него неожиданным. Да и нападать на Баженова еще не пришло время. А старлей уже заметил заточку. Сержант сжал зубы, процедил:

– Просек, сука? Ну, кликни пуштунов, они быстро из меня решето сделают! Но...

– Заткнись! – приказал старший лейтенант и спросил: – Ты организовал драку?

– Какая теперь разница?

– Большая! Что хотел добиться дракой? Разоружения охраны, что пойдет давить потасовку?

– Хотя бы, ну и что?

– А то! Пулеметы на вышках не видишь?

– Я что-то не пойму тебя, старлей!

– У меня нет времени объясняться с тобой. И тем более что-либо доказывать. У нас мало времени. Отвечай, какой путь выбрали для прорыва?

– Так ты не за духов?

– Нет! Мать твою. Отвечай! Быстро!

Сержант тряхнул головой:

– В Хайдарский проход! На джипе американцев!

– В «Хаммер» влезут человек шесть-восемь, а остальные?

– С остальными базара не было!

– Не было! Дурак ты, Лебедев! И сам бы не вырвался, ваш джип духи сожгли бы в момент одной гранатой, и других загубил бы! Так! Слушай меня. Как только твои ребята обезоружат охрану, по ним да и по всем остальным тут же откроют огонь пулеметчики с вышек и те охранники, что окажутся вне двора барака. Это надо предотвратить.

Лебедев бросил быстрый взгляд на старлея:

– Как?

– Молча! Валим пуштунов. Забираем автоматы и гасим часовых на вышках и у калитки. После этого ты возвращаешься к барaku и организуешь атаку постов охраны складов.

Сержант удивился:

– Складов?

– Да, складов! Только там спасение. Прорвемся в подземный бункер – получим возможность занять долговременную оборону. Дальше посмотрим по ситуации. Только в склады ты должен вывести как можно больше пленных.

– А если часть разбежится?

– Их убьют! Но останавливать или упрашивать кого-то у нас времени нет. В общем, ты организуешь прорыв на склады, я прикрою вас! Затем вы прикроете мой отход. Понял?

– Понял, командир!

– Вот и хорошо! А полный о'кей у нас будет тогда, когда в наших руках окажется достаточно для ведения боя оружия, а главное – средства связи, с помощью которых мы сможем выйти на своих! Наверняка за лагерем активно наблюдает разведка. А наши не оставят в беде.

Помогут. Нужно для них только время выиграть. Все! Кажется, начинаются серьезные дела. Готов?

– Так точно!

– Нападение на пуштунов по моей команде.

– Есть!

Охрана ворвалась во двор, стреляя в воздух. Моджахеды резервной группы караула рассчитывали на то, что выстрелы умирят толпу, но случилось для душманов неожиданное. Пленные, прекратив драку между собой, бросились на караульных. Сбили афганцев с ног, разоружили, кому свернули шеи, кого убили заточками. Не прошло и минуты, как разъяренная толпа превратилась в управляемую команду.

Пуштуны передернули затворы.

Старший лейтенант отдал команду сержанту:

– Твой ближний, мой дальний. Вперед!

Баженов толкнул Лебедева к охранникам, выкрикнув:

– Что происходит?

Один из пуштунов выругался:

– Шайтаны, бунт подняли! Смерть собакам.

Сблизившиеся с охранниками старший лейтенант и сержант напали на пуштунов. Сергей, ногой выбив автомат из рук своего противника, нанес ему удар в солнечное сплетение. Затем, выхватив нож из ножен шаровар душмана, всадил лезвие в спину согнувшегося пополам пуштуна. Перехватил готовый к бою автомат. Бросил взгляд на сержанта. Тот прыгнул. Но не на противника, а чуть в сторону, одновременно выставив в сторону заточку, зажатую в кулаке. Самодельное оружие вонзилось в горло второму пуштуну. Он, выронив автомат и обхватив шею руками, повалился набок.

Шум сзади услышал часовой у калитки. Он резко обернулся. Баженов дал очередь, и душман повис на колючке. Сержант подобрал автомат. С дальней вышки раздалась пулеметная очередь. Кто-то из пленных вскрикнул. Баженов приказал Лебедеву:

– Огонь по вышкам!

Старший лейтенант и сержант очередями сбили двух часовых. Пулеметчиков с ближних вышек сняли уже солдаты, отобравшие оружие у охранников во дворе лагеря.

Баженов крикнул Лебедеву:

– Сержант! Вперед на прорыв к складам! Там двое часовых. Не дай им голову поднять из укрытия. Я прикрываю. Пошел!

Лебедев юркнул в калитку.

У ног Баженова вздыбили каменистую почву фонтанчики от попадания пуль. Это действовали стрелки из группы Абдужабара. И очередь едва не срезала замполита. Прогремели еще выстрелы. Сергей упал, прикрывшись трупом ближнего пуштуна. Видимо, его посчитали мертвым, так как Абдужабар развернул цепь моджахедов на прорывающихся к складам пленных. И тут вновь в бой вступил Баженов. Он выставил из-за трупa автомат и тремя короткими очередями поразил шестерых душманов из группы Абдужабара. Получив пулю в голову, в камни уткнулся и сам комендант лагеря. Оставшиеся в живых абдужабаровцы отползли за штабель бетонных столбов.

Часовые у складов, увидев, что на них прет вооруженная толпа пленных, дали по очереди и бросились к бетонным окопам. Оттуда они могли расстрелять взбунтовавшихся невольников. Лебедев не дал им сделать это, срезав обоих двумя прицельными очередями. Сбить замок с ворот склада не составило труда. И пленные уже почти вошли в бункер, как вдруг со второго этажа здания размещения лагеря ударил пулемет. Либо стрелял сам Фархади, либо его помощник. Четверо солдат, пробитые пулями, остались лежать у входа.

Старший лейтенант открыл огонь по зданию. Пулеметчик тут же перевел стрельбу на него. В труп пуштуна впились штук десять пуль. Баженов замер. В это время по второму этажу здания открыли огонь уже как минимум пять автоматов. Пулеметчик молчал. Раздался голос сержанта:

– Старлей, рви к нам, коли живой, прикроем!

Сергей подумал: вот он, момент истины. От ограждения барака до складов метров пятьдесят, не больше. Всего 50 метров. Расстояние, которое он мог бы пробежать секунд за 7. Всего за семь секунд. От них сейчас зависела жизнь или смерть офицера. Но надо бежать, пока молчит пулемет и не очухались духи за штабелем столбов.

Баженов поднялся и понесся к складам. Он влетел в бункер, сбив с ног двух солдат, тащивших ко входу какой-то ящик, они и упали вместе. Бойцы рассмеялись. Крупный боец из группы Лебедева заметил:

– Шустро вы, однако, бегаєте, товарищ старший лейтенант. У нас в десанте таких спринтеров не было.

Сергей поднялся:

– Побежишь тут, но ладно, отставить разговоры. Я, как старший по званию, принимаю командование сводным взводом бывших пленных на себя. Фамилия моя Баженов, звание старший лейтенант. Внимание всем! Те, кто вооружен, под командованием сержанта Лебедева держать оборону на линии ворот склада, остальным вскрыть ящики, извлечь автоматы, магазины, патроны, гранаты. Вооружившись, построиться в конце склада. Там я поставлю задачу второму отделению прикрытия. Вопросы ко мне?

– Нет вопросов! – хором ответили солдаты и кинулись вскрывать оружейные ящики.

Баженов подошел к левой стене, где находился Лебедев, спросил:

– Сколько наших полегло?

– Семь человек! Здесь пятнадцать. Было в бараке двадцать два. Такая вот арифметика, командир!

– Жаль ребят, конечно, но ничего не поделаешь. Без потерь пробиться сюда было невозможно. Представляешь, что стало бы с твоей группой, попытайся вы уйти из лагеря на «Хаммере» американцев?

Сержант кивнул:

– Представляю. Нас один только пулемет из штаба духов в клочья порвал бы!

– Верно! Но теперь главное сделано, страшное позади. Среди солдат есть связисты?

– Есть. Там узбек один, Юлдашем кличут.

– Найду! Ты, Игорек, давай тут передним краем руководи, я займусь тылом. Надо найти действующую мощную радиостанцию. Хотя, уверен, о нашем мятеже уже известно советской разведке в Пакистане, и даю голову на отсечение, где-нибудь в высоком штабе экстренно разрабатывается операция по нашей эвакуации отсюда.

Лебедев вздохнул:

– Мне бы вашу уверенность!

– Ты чего раскис, сержант?

– Да так, ничего. Пройдет! Просто среди тех семерых, что духи успели завалить, кореш мой по полку, по батальону, по роте, Степка Щеглов. Его пулеметчик с вышки первой же очереди...

Старший лейтенант положил руку на плечо Лебедеву:

– Это война, сержант! На месте Степана мог оказаться и ты, и я, и любой, кто сейчас разбирает оружие. Никто не прятался от пуль. Одним повезло, другим нет! Возьми себя в руки, Игорь. Уйдем отсюда, всех вспомним и помянем, а сейчас мы на это не имеем права!

– Я уже в порядке, командир!

– Тогда держи сектор перед складами! Если что, вызывай голосом! И помни. Мы на этой войне сделали то, что до нас никому не удавалось сделать. Никому.

Уходя внутрь склада, Баженов посмотрел на часы. И изумился. Они показывали 17 часов 30 минут. Прошло всего полчаса от момента встречи с Лебедевым за колючкой ограждения барака до захвата складов. Всего полчаса. А кажется, прорыв как минимум два часа занял. Но что отсчитывают наручные часы Баженова? Время до спасения или... Но об этом даже думать нельзя. Расслабляться нельзя. Духи еще покажут себя! Но теперь и пятнадцать бывших пленников представляют собой грозную силу! Так что повоюем. А помощь придет! Обязательно придет. Она просто не может не прийти! Старший лейтенант не мог допустить и мысли, что помощь, о которой он думал, находилась от лагеря в каком-то километре. И спецназ уже начал операцию, одной из главных целей которой являлось освобождение пленников.

*Барак № 2 содержания спецкоманды «Призраки»,
старшего лейтенанта Баженова
и американских инструкторов. 17.10.*

Слейтер лежал в своей комнате, курил, сбрасывая пепел на пол. На столике стояла початая бутылка виски. Сержант пил с обеда. Обычно он употреблял спиртное ближе к отбою, но сегодня Слейтер находился в плохом настроении. Сержант никак не мог отогнать мысли от Гульнары. После ночи, проведенной с русской разведчицей, после близости с этой необыкновенной девушкой, чьи ласки были так похожи на ласки его бывшей супруги, которую Слейтер, как ни старался, не мог забыть, храбрый сержант лишился покоя. Его тянуло в дом старого сутенера Фаруха, в небольшую комнату на втором этаже, к женщине, которую он хотел видеть. Видеть каждый день. Какая-то теплая печаль зародилась в его, казалось, уже холодном сердце. И сержант наслаждался этой печалью, одновременно проклиная себя за слабость. Вот и заглушал свои противоречивые чувства Слейтер глотками из пузатой бутылки да сигаретами, которые курил не переставая.

Неожиданно дверь в его комнату распахнулась, и на пороге появился Умберг. Вид у капрала был растрепанным и тревожным. И тут же Слейтер услышал автоматные очереди. Сержант вскочил с постели:

– Что случилось, капрал?

Умберг выдохнул:

– Похоже, Энди, русские пленные подняли мятеж.

Слейтер удивился:

– Что?! Мятеж?!

Стрельба на улице усилилась. Умберг показал рукой за спину:

– Слышишь? А я и видел кое-что, находясь в курилке. Пленные затеяли драку. Охрана пошла в толпу. И, очевидно, либо расстреливает драчунов, либо пленные разоружили охрану и вступили в бой с караульными и людьми коменданта.

Слейтер двинулся к выходу:

– Идем, Майк, посмотрим, что за дела разворачиваются в лагере. Да, Паслера кликни!

Капрал, пропуская начальника, сказал:

– Фил уже во дворе!

Американцы вышли на улицу. Слейтер увидел, как основная группа пленников прорывается к складу. Взглянул на вышки. Часовые убиты.

Подбежал Паслер:

– Ты бы видел, Энди, что эти русские удумали. Затеели драку, заманили к бараку охранников, завалили их и пошли на штурм склада. А этот, сосед наш, офицер, которого завербовал Фархади, с пленными заодно оказался. Вместе с одним из русских беседовал, ну ты знаешь, он каждый день с кем-то из пленников беседовал. Так вот, с одним из пленников он завалил

пуштунов, что сопровождали офицера и часового у калитки. Да из автоматов дали очередь по вышкам. Потом пленник повел товарищей на склады, а офицер их прикрывал. Он недавно обстрелял группу Абдужабара. Неплохо надрал задницы духам. Из десятка дикарей шестерых точно выбил из строя. Да вон он, глядите!

Паслер указал рукой за торец барака № 1. Оттуда показался бегущий к складам, уже занятым русскими, Баженов.

Умберг проговорил:

– Интересно, успеет добежать лейтенант или нет? Бежит резво, ничего не скажешь!

Слейтер усмехнулся:

– Вот тебе и русские! Воистину непредсказуемые люди. Воины, бойцы. Надо же, мятеж подняли. А главное, цели своей достигли. В складе много оружия и боеприпасов, можно оброну долго держать. А старший лейтенант? Сосед наш. Тихоня тихоней, а смотри, как быстро с мятежниками снюхался. Вот и беседы. Я бы многое сейчас отдал, чтобы посмотреть на физиономию Фархади.

Умберг сказал:

– Да, парни отчаянные, слов нет! Вот только толку-то в том, что они засели на складе? Фархади вызовет помощь, тут база Хикмата недалеко, полк, хотя в полку этом если три полноценные роты наберется, то хорошо. Но все же сила, против которой русским пленным не устоять. Да если еще пакистанцы свои подразделения подтянут...

Слейтер взглянул на Умберга, перевел взгляд на Паслера:

– И что из этого вытекает?

И капрал, и рядовой пожали плечами:

– Черт его знает!

Сержант проговорил:

– А это означает, ребята, что пленные надеются на быструю помощь! Откуда она может прийти? Из Афганистана. Следовательно, здесь, господа инструкторы, скоро появятся подразделения советского спецназа! Должны появиться. Нам попадать к ним нельзя. Так что надо уходить. Воевать с русским спецназом мы не подражались. А тот вряд ли будет разбираться, где моджахеды, а где наемники. Да и не надо им этого! Их задача – ликвидировать лагерь и освободить пленных. Учитывая, что из кишлака выступит отряд Карамулло, здесь будет ой как весело. Только не нам! А посему, Умберг, обойди опасную зону, дабы не попасть под пули мятежников, быстро проверь «Хаммер» и подгоняй его. Но не сюда во двор, а за барак, к запасному выходу. Если внедорожник поврежден и его нельзя в течение двадцати минут привести в порядок, то угоняй, к черту, «УАЗ» коменданта. Тот за караулкой стоит и хозяину больше не потребуется. Мы же с Паслером соберем вещи. Кстати! Что-то я наших соседей-карателей не вижу!

Паслер усмехнулся:

– Да вон их кэп из окна на территорию смотрит. Перепугались каратели, поняв, что в лагере мятеж. Сидят в своих норах, как крысы. И будут сидеть в надежде, что Фархади скоро наведет порядок в своих владениях.

Слейтер кивнул:

– Пусть сидят, надеются и ждут! Дождутся! Но плевать на этих ублюдков. Самим надо уходить. Идут они все к черту! Умберг! Ты еще здесь?

– Уже нет, сэр!

Капрал, согнувшись, побежал в сторону плаца. Только сделав приличный круг, он мог обойти сектор поражения огнем мятежников, засевших на складе. Слейтер и Паслер вернулись в барак.

У себя в комнате сержант закурил.

Гуля не могла не знать о том, что в лагере готовится восстание. Письмо, что сержант передал Баженову, наверняка являлось инструкцией к действию. Значит, говоря о встрече в ближайшую субботу, девушка лгала. Она знала, что больше никаких встреч со Слейтером у нее не будет. Жаль! И... обидно! Но она служит в разведке. Не могла же она сказать американцу, что в четверг в лагере произойдет?! Не могла. Но все же обидно. Он, конечно, больше никогда не увидит восточную красавицу, подарившую сержанту то, чего он уже не надеялся испытать. Но и не забудет ее! Нет, не забудет! Допив бутылку, Слейтер принялся собирать свою походную сумку.

Глава 2

Афганистан. Граница с Пакистаном. Временный штаб советского сводного подразделения специального назначения. 17.10.

Майора Дросова неожиданно вызвал по связи Гориленко:

– Карат-2! Я – Рассвет-1! Как слышишь?

Командир отряда ответил:

– Слышу нормально, Рассвет-1, что у тебя?

– У меня-то все в порядке, а вот в лагере происходит что-то непонятное.

– В чем дело?

– Пленные затеяли драку между собой. Погоди... Баженов с бойцом, которого вывел за периметр колючки барака, завалил духов охраны старлея. Пленные обезоружили охранников.

Дросов и Сергиенко услышали треск автоматных очередей.

Гориленко продолжил:

– Часовые на вышках уничтожены. Черт, да в лагере настоящий бой разворачивается.

Обстановка меняется стремительно. На объекте мятеж, Карат-2!

Майор отключил радиостанцию малого радиуса действия. Сергиенко, заметив, как изменился в лице майор, спросил:

– Что случилось, Сергей? Что за стрельба за перевалом?

Дросов посмотрел на командира штурмовой группы:

– Мятеж в лагере!

У капитана округлились глаза:

– Что?!! Какой мятеж?

– А хрен его знает.

Майор повернулся к связисту:

– Олимов! Генерала сюда, быстро!

Но Еременко уже сам вышел из кустов:

– Что происходит, Дросов?

Командир отряда спецназа доложил:

– Только что старший первого наблюдательного поста сообщил о том, что пленные, имитируя драку, разоружили охрану и вступили в бой с моджахедами.

– Час от часу не легче! – воскликнул генерал и приказал: – Отряду и роте – готовность полная. Сами поднимаемся на пост наблюдения!

Дросов и Сергиенко передали соответствующие распоряжения в подчиненные им подразделения и двинулись следом за генералом. Вышли на пост в 17.30.

Генерал осмотрел лагерь через бинокль. То же сделали и Дросов с Сергиенко. Еременко, оторвавшись от оптики, спросил у Гориленко:

– Пленные заняли склады?

Капитан кивнул:

– Так точно, товарищ генерал.

– Кто руководил мятежом?

– Непонятно! Драка началась внезапно. Затем старший лейтенант и пленный десантник вдруг напали на духов, сопровождавших Баженова. И первым завалил своего охранника сам старлей. После пристрелили часового у калитки. Открыли огонь по вышкам. Они срезали двух пулеметчиков. Двух других снял кто-то из пленных. Но пленные одну очередь с вышки пропустили. Среди них есть потери. Затем пленные пошли на штурм складов, что в холме. Баженов прикрывал их действия, отбив атаку человек десяти, завалив из них бандитов пять-шесть. И

только перед самым вашим прибытием старлей сам прорвался на склад. Оттуда мятежники обстреляли здание штаба Фархади.

Дросов воскликнул:

– Вот тебе и планы! Все летит к чертям собачьим! – Он повернулся к Гориленко: – А что «Призраки» и американцы?

– Подонки пока в своем бараке. Инструкторы на улице!

Дросов вызвал старшего поста № 2, старшего лейтенанта Кабарова:

– Рассвет-2! Я – Карат-2!

– Рассвет-2 на связи! – ответили ему.

– Ты видел, что произошло в лагере?

– Частично, как только услышал стрельбу! Докладывать не стал, так как это дело Рассвета-1.

– Понятно! Что в кишлаке?

– Там, без сомнения, слышали стрельбу. Наверняка Карамулло и резерв Фархади знают, что произошло в лагере. Кишлак опустел, затих. Видимо, перед началом каких-то действий моджахедов.

– Но пока в кишлаке все тихо?

– Да!

– Продолжай наблюдение!

Майор переключился на разведчика, находившегося в южной балке:

– Ноль пятый! Я – Карат-2! Как слышишь?

Прапорщик Стрекаленко тоже немедленно ответил:

– На связи, командир!

– Где находишься?

– На склоне! Как услышал стрельбу, занял позицию наблюдения за лагерем. Но обзор ограничен. Из-за барака содержания «Призраков» и инструкторов-американцев. Очевидно одно: пленным удалось прорваться на склады и занять оборону. Они понесли потери.

– Что делают «Призраки»?

– В бараке сидят! Если попытаются покинуть лагерь, используя тыловые ворота, я сумею накрыть их!

– Скорее, скрыться попытаются американцы! Один из них уже выдвигается к джипу.

– Я его вижу. Обходит плац!

– Да!

– Так с этими легче будет!

Но Дросов неожиданно для прапорщика приказал:

– Инструкторов не трогать! Будут уходить, пусть уходят! И не задавай вопросов!

– Ясно! Что относительно лагеря делать будем?

– Узнаешь в свое время! Отбой!

– Отбой!

Майор взглянул на генерала:

– Придется начинать штурм объекта немедленно!

– Как думаешь провести его? – спросил Еременко.

Дросов ответил:

– Так же, как и планировал, из балки, только сейчас с учетом неожиданно изменившейся обстановки.

– Мятежники не догадываются о том, что в лагере могут появиться свои, поэтому наверняка будут палить по всему, что движется. Как устранить эту проблему?

– Как-нибудь устраню! На месте! Вы с капитаном отсекаете банду Карамулло, остальное делает отряд.

– Банду отсечем. Ты не упусти «Призраков». Если эти ублюдки сумеют вырваться из лагеря, операция будет считаться проваленной, со всеми вытекающими из этого выводами! Все понял, Сережа?

Майор кивнул:

– Куда ж понятней?! Но я пошел! Посты снимаю, выставите бойцов роты! Все!

– Удачи тебе, майор!

– Благодарю! Вам того же!

Дросов вызвал старшего лейтенанта Кабарова:

– Рассвет-2, начинай с прапорщиком Пахуровым выдвижение к посту № 1.

– Принял. Один вопрос: кто будет смотреть за кишлаком?

– Это не твоя забота!

– Выполняю!

Майор вызвал и остальных подчиненных, включая связиста Олимова. Связался со Стрекаленко:

– Ноль пятый! Я – Карат-2! Минут через пятнадцать отряд пойдет в балку. Мы пойдем по склону, практически открыто, прикрой в случае необходимости!

– Понял! Прикрою! На входе в овраг увидите убитую змею, гюрзу! Это ориентир, обозначающий начало левой стороны прохода в минном поле. Правая – в трех метрах от левой. Далее прямо в балку.

– Принял! Отбой!

В 17.51 личный состав собрался у поста № 1. Дросов быстро поставил задачу на марш по склону в балку.

Спустя две минуты спецназовцы, вытянувшись в колонну, начали быстрый спуск на плоскогорье, отклоняясь южнее лагеря. Очень кстати пришлась невидимая со стороны, прикрытая кустарником звериная тропа, на которую, оторвавшись от вершины перевала, наткнулись бойцы отряда. Эта тропа, петляя, выходила прямо к балке. Только не с торца, видимо, звериный инстинкт подсказывал, что на входе в овраг может таиться опасность, а из глубины, с юга. Но это для бойцов не имело никакого значения. Главное, тропа делала выход спецназовцев к балке невидимым для противника.

Отряд вошел в овраг без проблем. Очевидно, оставшимся в живых душманам во главе с Фархади было не до наблюдения за приграничной полосой, так как по спецназовцам никто не открыл огонь. Если заметили, то обстреляли бы непременно. Не обстреляли. Дросов вывел подчиненных к позиции Стрекаленко. Объявил отряду передышку, спросил у прапорщика:

– Ну что тут, Петя?

Стрекаленко указал на лагерь:

– Американцы подогнали «Хаммер» к запасному входу из барака, грузятся. С минуты на минуту отчалят.

– Черт с ними! «Призраки» на месте?

– В бараке, командир! Отсюда в правом крыле.

– Отлично!

Майор вызвал генерала:

– Первый! Я – Карат-2! Время Ч – 18.00. В Ч + 02 применяю ликвидаторы минных полей и атакую лагерь, начиная с барака № 2. Как поняли?

Еременко ответил:

– Понял тебя! Решение утверждаю. Оперативно-тактическая группа сосредоточена на выходе из Хайдарского прохода. Из кишлака только что вышел отряд боевиков численностью около ста человек. Банда движется, как ты и предполагал, по дороге, вдоль границы. Буйный займется ею.

– Принял! Работаю!

Майор отключил станцию, взглянул на часы, передал по цепи:

– Пахурову, Олимову привести в готовность «чушки»! Запуск ликвидаторов по команде. Далее после подрыва мин по проходам совершаем бросок к барaku. «Призраков» отрабатываю я с Кругловым. Остальные выходят во двор ближнего барака, оттуда к дальнему барaku. При обнаружении духов открывать огонь на поражение. Особое внимание уделять зданию штаба лагеря. Оттуда может заработать пулемет. Главное не попасть в сектор обстрела этого пулемета. Уточнение дальнейшей задачи после выхода к дальнему барaku! Приготовились. Начинаю обратный отсчет: 5, 4, 3, 2, 1, 0, «чушки»!

Из балки вылетели два троса. Упав на минное поле и проволочное заграждение до самого барака, взорвались. Следом последовали разрывы сдетонировавших мин. Дросов крикнул:

– Вперед, ребята! Штурм!

Спецназовцы, вскочив, бросились к объекту. Джип американцев в это время вышел с территории объекта и, набирая ход, пошел в сторону Чевара. Добравшись до барака № 2, подчиненные Дросова разделились на три подгруппы. Первая, состоящая из двух человек, самого майора и капитана Гориленко, бросилась к открытому запасному выходу дощатого одноэтажного здания. Группа под командованием старшего лейтенанта Кабарова направилась в обход барака справа, Круглов повел остальных бойцов в обход здания слева.

Отморозки бывшего капитана Иванова, наконец придя в себя и получив приказ Довлатова подготовиться к отходу из лагеря, спешно паковали личные вещи. Близкие взрывы дезорганизовали их. Они не успели взять оружие из оружейной комнаты. Первыми к ней вышли спецназовцы. Гориленко от порога запасного выхода уничтожил моджахеда, несшего службу в наряде по барaku. Дросов срезал очередь одного из подонков, кинувшегося к ружкомнате.

Услышав выстрелы внутри здания, каратели Иванова застыли в ступоре, столпившись в коридоре казармы. В таком состоянии их застали спецназовцы. Этих безжалостных ублюдков и расстреляли офицеры отряда спецназа. Хладнокровно, без малейшей доли сожаления. Эти человекоподобные, обезумевшие от крови и безнаказанности, дикие звери, спокойно расчленившие грудных младенцев и сжигавшие заживо целые семьи мирных афганцев, не заслужили пощады. Они даже суда не заслужили, потому как животных не судят. Им задачей операции «Охота на призраков» был вынесен смертный приговор. И этот приговор привели в исполнение майор Дросов и капитан Гориленко.

И только рядовые Романов и Мыльцев успели упасть до того, как прозвучали автоматные очереди спецназовцев. Как только стрельба прекратилась, Романов, не поднимая головы, крикнул:

– Не стреляйте, я и мой товарищ насильно переведены в спецкоманду. Нас взяли в плен на Тургунском перевале вместе со старшим лейтенантом Баженовым!

Офицеры переглянулись. Дросов приказал:

– Встать! Руки за голову!

Побледневшие от страха молодые бойцы выполнили приказ грозных спецназовцев.

Дросов переспросил:

– Значит, вы попали сюда вместе с Баженовым? Это он заставил вас сдаться?

Романов ответил:

– Никак нет, извините, не знаю вашего звания, замполит роты был без сознания, когда духи обнаружили его. Старший лейтенант отстреливался вместе со всеми, это мы... растерялись! Но Баженов, когда мы еще в подвале были, говорил, что нас все равно спасут. А потом! Потом перевели в спецкоманду, но мы не покидали лагеря и ни в каких акциях не участвовали!

Дросов кивнул:

– Ладно! Проверим! А сейчас быстро в комнату своего замполита! И не пытайтесь бежать. Себе же хуже сделаете!

- Да вы что? Куда бежать? Нам бы обратно, к своим!
- Вы еще здесь?

Бойцы, перепрыгивая через трупы карателей, бросились в левое крыло барака, где находилась комната Баженова. Дросов, подорвав гранатой ружейную комнату, что чуть не обрушило здание, вызвал Еременко:

– Первый! Я – Карат-2! Банда «Призраков» ликвидирована. Довлатова среди подонков не было! Взяли двух пацанов, пополнение карателей. Говорят, подчиненные Баженова!

Генерал ответил:

– Доклад принял! По «Призракам» ситуация ясна! Бойцов Баженова не трогать! С ними отдельный разговор будет! Теперь насчет Довлатова. Предатель находится вместе с Фархади и его ближайшим окружением в здании штаба лагеря. Определи возможность штурма этого штаба. Но так, чтобы без потерь с нашей стороны! Может, есть какая лазейка, через которую можно войти в здание.

- Понял вас, Первый! Продолжаю работать!
- До связи, Карат!
- До связи!

Не успел Дросов подойти к распахнутым дверям, как его станция издала сигнал вызова.

Сергей ответил:

- Карат-2 на связи!

В ответ раздался голос Кабарова:

– Я – Ноль третий! Продвижение к дальнему бараку затруднено, так как из склада по нам открыли огонь мятежники!

- Потери? – спросил майор.

Старший лейтенант доложил:

– Потерь нет! Стреляют пленные не шибко метко, да и сектор ведения огня у них ограничен. Но пройти с правого фланга к дальнему бараку пленные не дадут. Как не дадут развить штурм и дальше. У них на складах прекрасная позиция.

- Принял!

Майор, отключив станцию, сплюнул на пол:

- Черт! Как же заставить их замолчать?

Гориленко добавил:

– И закрыть ворота. Позиция-то у них отличная, но если в склад случайно залетит заряд гранатомета, то рванет так, что холм превратится в воронку!

Дросов приказал отряду остановиться, укрыться в занятом бараке.

И тут Гориленко воскликнул:

- Рация!

Майор взглянул на него удивленно:

- Какая рация?
- Рация убитого часового!
- Ну и что?

– А то, что недалеко от ворот складов лежит труп моджахеда. Если у нашего при себе импортная станция, то такая же вполне может быть на убитом душмане у холма. И настроены станции должны быть на одной частоте. Ну-ка я взгляну!

Капитан перевернул труп молодого пуштуна. Вытащил из чехла импортную рацию. Та шипела, сквозь шипение доносились голоса на пушту.

Гориленко сказал:

- Станция включена на прием-передачу!
- Ну и что, Андрей? Что из этого всего следует?
- Попробуй вызвать старлея, командующего сейчас мятежниками.

– Слушай, капитан, а это мысль! Давай станцию, попробуем связаться с пленными. Может, получится.

Капитан передал командиру рацию убитого в бараке часового.

Майор выкрикнул в микрофон:

– Баженов! Баженов! Ответь!

Боец, занявший позицию у правой двери, недалеко от которой валялся труп охранника, услышал вызов Дросова. Он крикнул в сторону склада:

– Старлей! Слышь? Командир!

Баженов, нагнувшись, подошел к рядовому:

– Чего тебе, солдат? Заметил что подозрительное?

Рядовой указал стволом на труп:

– Кажется, по этой рации кто-то вас зовет!

– Меня? Кто?

– А я знаю? Вы сами послушайте!

И Сергей услышал раздавшийся из рации голос:

– Баженов! Прошу ответить! Баженов! Ответь!

Старший лейтенант посмотрел на рядового:

– И вправду меня вызывают! Но кто? Так, надо забрать рацию! Я к трупам, ты прикрой, понял?

Сзади подошел Лебедев:

– Лейтенант! Я пойду за рацией!

Сергей обернулся:

– В чем дело, сержант?

– В том, что, если меня духи грохнут, не велика потеря, без тебя же, единственного офицера, вся оборона к чертям собачьим развалится. Так что пойду я.

Баженов хотел запретить, но Лебедев уже перепрыгнул через ящики, загораживавшие вход на склады. Рядом с сержантом вздыбились фонтанчики земли, поднятые пулями, выпущенными из пулемета, расположенного на втором этаже здания штаба лагеря. По пулеметчику тут же ударила группа прикрытия входа, заставив пулемет вновь замолчать. Сержант вернулся целым и невредимым. Передал рацию офицеру:

– Держи, старлей!

Сергей тут же ответил:

– Незвестный! Я – Баженов! Кто ты и чего хочешь?

Услышав голос командира мятежников, Дросов облегченно вздохнул:

– Ну, наконец, старлей! Слушай меня внимательно...

Баженов прервал Дросова:

– Я послушаю! Но только после того, как ответишь, кто ты и чего тебе надо! Ну?

– Я – командир отряда специального назначения КГБ майор Дросов! Спецназ здесь для того, чтобы вытащить пленных и уничтожить лагерь вместе с предателями из карательной команды «Призраки». С карателями мы разобрались. Кстати, среди них были твои бывшие подчиненные! Мы должны работать дальше, но твои молодцы мешают. Я же не могу продолжать наступление, когда по моим людям стреляют из складов. А посему приказываю: первое – прекратить огонь! Второе, закрыть ворота и навесить на них какой-нибудь материал, чтобы случайная кумулятивная граната не разнесла вас вместе со складом к чертовой матери. Ты понял меня, Баженов?

Сергей ответил:

– Понять-то понял, но скажи мне, Дросов, почему я должен тебе верить? А если ты подельник Довлатова? И еще, вы убили Романова с Мыльцевым? Тех солдат, что были доставлены сюда со мной?

Майор не сдержался:

– Выполняй приказ, мудака! А попутно прикинь в своей замполитовской башке, стал бы с тобой говорить Довлатов? Я еще удивляюсь, что духи до сих пор не догадались ударить по складам из гранатометов! И давай закрывайся быстрее, у меня каждая минута на счету! Твои же бойцы живы, сидят в бараке! Ну?

– Ладно! Но, кто бы ты ни был, учти: живыми мы моджахедам больше не дадимся!

– Учту!

Баженов, отложив станцию, приказал Лебедеву:

– Сержант! Прекратить огонь и закрыть ворота!

Лебедев повернулся к мятежникам:

– Пацаны! Захлопнули створки ворот! На запор их и без ненужных вопросов!

Убедившись, что пленные выполнили распоряжение, Дросов отдал команду:

– Отряд! Приготовиться к броску к следующему барaku!

Из здания, где ранее содержались пленные, командир отряда выслал к штабу Фархади Каримова с задачей определить, можно ли без потерь прорваться к логову начальника лагеря. Прапорщик вернулся быстро. Доложил:

– К штабу духов не подойти. Со второго этажа простреливается вся прилегающая к нему территория.

– А если задымить местность?

– Все равно, при наличии необходимого количества боеприпасов шквальным огнем вкруговую духи приземлят нас. А надеяться на то, что у Фархади патроны на исходе, глупо!

– Это понятно! Ладно! Всем пока оставаться на местах!

Дросов вызвал Еременко:

– Первый! Я – Карат-2!

Генерал ответил:

– Слушаю тебя, Карат-2!

– Провести штурм штаба Фархади возможности не имею!

– Понял! Придется применить авиацию, иначе эти шакалы не дадут нам эвакуировать пленных! А ты перегруппируй отряд так, чтобы заблокировать участок лагеря от главных ворот до штаба! Карамулло вытянул банду из кишлака в линию и готовится к наступлению. Как только духи пойдут на объект, их атакует Буйный! Часть моджахедов может прорваться в лагерь. Так вот ты и обеспечишь им достойную встречу!

– Принял! Встречу обеспечу! Отбой!

– До связи!

Еременко, находившийся на первом посту наблюдения, переоборудованном во временный командный пункт, приказал связисту передать командиру вертолетного полка подполковнику Красину приказ срочно поднять в воздух два «Ми-8» для эвакуации пленных. А также звено «Ми-24», с задачей уничтожить бетонное здание фугасными бомбами «ФАБ-250» и дальше действовать по обстановке. Связист штурмовой роты отдал по связи приказ генерала подполковнику Красину. Спустя несколько минут передал ответ: два «Ми-8» в сопровождении звена вертолетов огневой поддержки из четырех «Ми-24» вылетели в квадрат «Z». Одна машина имеет на вооружении бомбы для уничтожения бетонных сооружений. Позывные командира звена «Ми-24» – Гроза-1, командира двойки «Ми-8» – Зонд-1. Ориентировочное время прибытия в квадрат – 18.57. На подлете командир звена свяжется с Первым.

Генерал, приняв доклад, поднял к глазам бинокль. Он увидел, как цепь душманов Карамулло, используя проходы в минных полях, пошла в наступление на лагерь. Тут же командир штурмовой роты доложил:

– Первый! Я – Буйный! Атакую духов, наступающих на объект!

Генерал ответил:

– Атакуй!

Взглянул на часы. Они показывали 18 часов 36 минут.

Душманы Карамулло, руководимые из штаба Фархади, пройдя мины, надвигались на лагерь единой цепью медленно, пригнувшись, ожидая в любой момент обстрела со стороны складов. Главаря банды внезапно вызвал по связи сам начальник лагеря.

Карамулло ответил:

– Слушаю, саиб!

И услышал истошный крик:

– Азиз! Сзади русские! Они вышли из Хайдарского прохода! Разворачивай отряд.

Карамулло остановился от неожиданности. Русские? Из прохода? Как они оказались там?

Минута замешательства главаря банды решила участь душманов. Десантники Сергиенко, сблизившись с противником до расстояния поражения из стрелкового оружия, открыли прицельный огонь по моджахедам. Получив удар в спину, бандиты, оставшиеся в живых, заматались по плоскогорью и стали легкой добычей для советских солдат. Бойцы штурмовой роты косили их толпами. И только часть душманов во главе с Карамулло бросилась к лагерю, где имелись укрытия и где мятежники почему-то закрыли ворота складов, прекратив обстрел территории. Но моджахедов ждали бойцы отряда «Карат-2». Карамулло с остатками банды не удалось добраться до лагеря. Огонь спецназовцев Дросова не оставил им ни малейшего шанса выжить. Сам Карамулло, получивший пулю между глаз, уткнулся окровавленной головой в каменистый грунт. Так бесславно закончилась карьера одного из многих полевых командиров афганских моджахедов.

Как только рота Сергиенко при встречной поддержке бойцов Дросова нанесла по банде Карамулло сокрушительный удар, практически предрешив исход штурма, связист обратился к генералу:

– Извините, командира штурмующих сил просит ответить какой-то Васильев.

– Васильев? А ну-ка!

Еременко бросил в эфир:

– Первый на связи!

– Васильев! Внешняя разведка!

Генерал прекрасно знал оперативный псевдоним резидента советской разведки в Пакистане.

– Я в курсе, кто вы!

– Тем лучше! Примите информацию. Со стороны Чевара к лагерю движется колонна БМП-1 из двенадцати машин. Рота полка Хикмата! Где-то через полчаса она выйдет к объекту штурма. У вас есть чем встретить непрошенных и весьма опасных гостей или нам попытаться остановить бандитов?

– С колонной мы разберемся, – ответил Еременко. – Главное, чтобы во избежание крупного международного скандала пакистанцы не подняли в воздух свою авиацию. Не думаю, что в интересах Исламабада поднимать шум по поводу уничтожения нами одного из лагерей подготовки террористов, наличие которых на своей территории правительство Пакистана так упорно отрицает!

– Я все понял! Будьте уверены, вооруженные силы Пакистана в квадрате «Z» не появятся. Ни на земле, ни в воздухе!

– Благодарю!

– Удачи вам, Первый!

Не успел генерал передать наушники и микрофон связисту, как его станция малого радиуса действия издала сигнал вызова.

– Первый на связи! – ответил Еременко.

– Первый! Я – Гроза-1. Звено вертолетов огневой поддержки и два «Ми-8» на подлете к квадрату «Z». Через четыре минуты будем у вас! Прошу уточнить задачу!

– Понял тебя, Гроза-1! Задача звену такова. На территории лагеря, расположенного на плоскогорье, сразу за перевалом стоит двухэтажное здание. Его следует стереть с лица земли. Но аккуратно, не задев холма, находящегося за зданием. В холме устроен склад боеприпасов, и там наши пленные! Это первое! Второе: со стороны Чевара к объекту движется колонна бронетехники афганских моджахедов. Сейчас она километрах в пятнадцати от лагеря. Колонну остановить! Далее обеспечить прикрытие вылета с объекта транспортных вертолетов и отхода штурмовой роты в Хайдарский проход. Вопросы по задаче?

– Как определить роту?

– Командир подразделения обозначит себя двумя красными ракетами!

– Вопросов больше нет! Задачу понял! Выполняю!

– Вперед, Гроза!

Еременко, отключив связь с командиром звена вертолетов огневой поддержки, вызвал командира ведущего «Ми-8»:

– Зонд-1! Я – Первый! Как слышишь?

– Я – Зонд-1! Слышу хорошо!

– Как только «Ми-24» отработает здание в лагере за перевалом, посадишь машины на плац объекта. Ты его увидишь. Там подберешь группу пленных, отряд спецназа и отправишься домой! Карту плоскогорья имеешь?

– Так точно!

– Значит, сориентируешься! Отбой!

Генерал вызвал Сергиенко и Дросова. Сообщил им о скором появлении авиации и порядке действий после того, как вертолеты выполнят поставленную перед ними задачу. И майор, и капитан ответили, что приказ приняли к исполнению.

Еременко отключил станцию, и тут же над ним пророкотали вертолеты «Ми-24». За перевалом два из них отвалили в сторону дороги, петляющей к Чевару, третий уклонился влево, четвертый пошел к лагерю. Генерал не заметил, как от последнего «Ми-24» отделились бомбы. Увидел лишь, что здание штаба моджахедов накрыл огненный шар. Прогремел мощный взрыв, и гулкое эхо от него заметалось в горах. Как только дым снесло ветром к баракам, стало видно, что вместо здания, где совсем недавно верховодил бандит Фархади, зияет черная, дымящаяся воронка. Оператор вертолета виртуозно положил две «двухсотпятидесятки» прямо на плоскую крышу бывшего штаба бывшего начальника лагеря, разорвав на мелкие куски и бетон и бандитов из ближайшего окружения Абдула Фархади. Из Хайдарского прохода появились «Ми-8». Они одновременно приземлились на плац лагеря. Третий, отошедший на север «Ми-24», развернувшись, прошел над объектом. Сзади к нему пристроился вертолет, с которого были сброшены бомбы.

Генерала вновь вызвал по рации командир звена:

– Первый! Я – Гроза-1! Задачу по колонне бронетехники отработали. Сожгли три головных машины, разрушили дорогу. Среди духов паника. Они больше не представляют угрозы. Возвращаемся к объекту!

Еременко ответил:

– Принял! – Переключил связь на Дросова: – Карат-2, займись пленными. Как посадишь их на головной «Ми-8», свой личный состав посади на вторую вертушку! Вылетайте на базу вертолетного полка. Там встретимся!

– Понял! Выполняю! – ответил майор.

Сергиенко генерал приказал обозначить роту для «Ми-24» двумя красными ракетами и начать отход в Хайдарский проход, откуда позже будет проведена эвакуация и оперативно-тактической группы.

Получив приказ, Дросов распорядился:

– Каримов! Двигай в барак № 2, тащи оттуда молодых невольников. Они в комнате, что сразу за бытовкой.

Прапорщик, кивнув, побежал к дощатому поврежденному взрывом ружкомнаты зданию.

Майор продолжил ставить задачу на эвакуацию:

– Гориленко, Гломадов, Пахуров, Олимов, образовать коридор для прохода пленных от склада до плаца. При появлении угрозы со стороны уцелевших духов открывать огонь на поражение! Остальные за мной к складу!

Дросов, Кабаров, Круглов и Стрекаленко подошли к закрытым воротам склада.

Майор выкрикнул:

– Баженов! Слышишь меня? Майор Дросов, спецназ!

Из-за металлических створок раздался приглушенный голос:

– Слышу!

– Отворяй ворота, кончилась война!

– Хорошо! Но надеюсь, ты не забыл, майор, если что, мы успеем подорвать себя вместе со складом!

– Как же ты мне надоел, старлей, со своей подозрительностью! Выходи! Сваливать надо быстрее отсюда!

Ворота открылись, показался Баженов с готовым к бою автоматом в руках. Посмотрел на спецназовцев, осмотрел дымящийся лагерь, увидел «Ми-8» с вертящимися несущими винтами, поднял голову к небу. Над особым объектом кружили «Ми-24». Бросив автомат, вздохнул.

– Свои!

Майор подошел к нему:

– Конечно, свои, Фома ты неверующий! Но поговорим в вертушке, пойдешь со мной, а вот своих ребят давай отправляй на плац к борту № 034. По пути пусть захватят павших во время мятежа раненых. Мы не должны никого здесь оставить из наших. Ни живых, ни мертвых. Командуй, замполит!

Баженов крикнул в проем между створок ворот:

– Лебедев! Выводи личный состав. – Повернулся к майору: – Оружие брать с собой?

– Пусть на складе оставят!

Старший лейтенант вновь крикнул:

– Сержант! Выходить без оружия! И без суеты. Все в порядке! В лагере наши!

Бывшие пленные начали выходить, на склад же прошли спецназовцы, дабы подготовить его к подрыву.

Вскоре «Ми-8» в сопровождении двух вертолетов огневой поддержки пошли на запад.

Баженов сидел рядом с Дросовым.

Майор похлопал замполита по плечу:

– Ну что, тезка, несладко в плену-то было?

– Да уж хорошего мало!

– Представляю! Но теперь все кончилось!

– Вы так считаете? А мне кажется, все только начинается.

– Что ты имеешь в виду?

Баженов вздохнул:

– Как будто не знаете! Теперь контрразведка все жилы вытянет. Как попал в плен да почему.

– Ерунда, Серега! Штурмом лагеря руководил генерал из Москвы. Очень большая шишка в Комитете. Он видел, как вы подняли мятеж и дрались с духами. Так что в данном случае ребятам из контрразведки ничего не светит. Зададут, конечно, пару-тройку вопросов, не без этого, да и прикроют дело. А если что, генерал наш отмажет. Отвалят особысты в момент. Поверь, я знаю, что говорю. Еще и наградят. Вот увидишь!

Сергей отмахнулся:

– Какие уж тут награды. Не до них!

– Да что ты нюни распустил? В лагере геройствовал, духов валил, а сейчас расслабился, как институтка какая.

– Понимаете, майор, у меня в полку невеста оставалась. После возвращения из той проклятой командировки мы хотели подать рапорт о заключении брака. После моего пленения ее наверняка отправили в Союз. А Рите и ехать-то некуда. Детдомовская она!

– Вот оно что. А ну-ка погоди! Я сейчас!

Майор прошел в кабину пилотов.

Через пару минут вернулся, сказал:

– Связывался с генералом. Спросил, знает ли он что-нибудь о судьбе твоей невесты.

Старший лейтенант напрягся:

– Ну и что?

– Ты оказался прав. Наши доблестные контрразведчики оформили Маргарите Авдеевой билет до Ташкента.

– Где же мне теперь искать ее?

Майор посмотрел в глаза Баженову:

– Любишь – найдешь! Ну а в крайнем случае на меня выйдешь, я тебе один телефончик оставлю на память. Что-нибудь придумаем! И не грусти, Серега, гляди, какая за бортом красота!

Баженов взглянул в иллюминатор.

Мимо вертолета проплывали величественные, покрытые снежными шапками вершины. Они успокаивали своей незыблемой, недоступной красотой. Вершины вырастали и плавно уходили из зоны видимости. Как облака. А «Ми-8» продолжал рокотать двигателем, унося старшего лейтенанта Баженова все дальше и дальше от Пакистана. От того, что ему пришлось пережить в плену. Что ждало старшего лейтенанта впереди? Этого не знал никто. Перед глазами возник образ Риты. Сергею хотелось закричать: где ты? что с тобой? Но он сдержал крик. Заставил взять себя в руки. Правильно сказал майор-спецназовец: любишь – найдешь! Сергей обязательно найдет Риту, даже если ему придется весь Союз обойти. Главное, что теперь он свободен. Что вновь среди своих, которые не забыли ни о нем, ни о тех пацанах, что томились в душманских лагерях. Они пришли и, рискуя собой, освободили их. А раз так, то, значит, впереди жизнь. И только от самого Сергея будет зависеть, как она сложится. Только от него!

Тряхнув головой, Баженов спросил у Дросова:

– У вас закурить не найдется?

– Найдется! Вот только нельзя на борту! Хотя... тебе можно! Кури, старлей! И знай: все у тебя, Серега, будет хорошо! Это тебе я, майор спецназа Дросов, говорю. Кури, брат! А запреты? Идут они к черту! Так?

Сергей впервые за последнее время улыбнулся:

– Так, майор! Только так и никак иначе!

Глава 3

Проводив вертолеты «Ми-8», капитан Сергиенко отдал приказ роте начать организованный отход от разгромленного лагеря в Хайдарский проход. Отход штурмового подразделения прикрывали «Ми-24». Впрочем, особой надобности в вертолетах огневой поддержки не было. С территории отработанного объекта в спину десантникам не прозвучал ни один выстрел. Ни в спину, ни во фланг со стороны кишлака Чиштан. А стрелять было кому. Карамулло вывел на помощь к Фархади не весь отряд. Хитрый Рамазан Салакзай, вовремя и правильно оценивший обстановку, складывающуюся в лагере во время его штурма неизвестно откуда объявившимися силами русских, отдал приказ своим шестерым верным душманам остаться в кишлаке. Остался в своем доме и сам Салакзай. Он с плоской крыши, через оптику внимательно наблюдал за тем, как Карамулло растягивает в цепь отряд, и чувствовал: напрасно Азиз делает это. Рамазан не знал и не мог знать, что в Хайдарском проходе подобного маневра Карамулло ожидал командир штурмовой роты капитан Сергиенко, но волчье чутье Салакзая подсказывало бандиту: его шеф подставляется и вот-вот поплатится за беспечность. Не следовало поворачиваться спиной к границе. Шеф и поплатился. Стоило отряду Карамулло начать выдвижение к проходкам в приграничных минных полях, как из Хайдара прозвучали первые очереди. А потом появились советские десантники. Атаку они развивали грамотно, не спеша, без суеты, криков «ура», прицельно и методично уничтожая цели в шеренге банды Карамулло.

К Салакзая поднялся его друг, Ахмад. Спросил слегка испуганным тоном:

– Ну что там, в лагере, Рамазан?

Салакзай неожиданно усмехнулся, указав рукой на юг:

– Там, брат Ахмад, кончается господство Абдула Фархади с его высокомерным окружением. Там нашел свою смерть Карамулло. Русские громят лагерь. Это хорошо!

Ахмад удивился:

– Хорошо! Я не ослышался, ты сказал, это хорошо?

– Да, брат, ты не ослышался. Фархади, Ширзад, Абдужабар, Карамулло, командиры групп Азиза уничтожены. Не понимаю, откуда взялись неверные, но они появились очень кстати. Бойня закончится, сюда придет Хикмат, а из выживших воинов – мы! Лагерь восстановят, усилят, а кого поставят его начальником?

– Ты думаешь, тебя?

– Я не думаю, я уверен в этом. Только нам надо сыграть свою игру. Как только русские уйдут в Афганистан, мы войдем в лагерь. Добьем тех, кто сумеет выжить из отряда Карамулло, и предстанем перед начальством группой, которая вновь отличилась. Мы будем единственной группой, оказавшей неверным эффективное сопротивление и сохранившей людей. Всевышний сам посылает мне власть. А вместе со мной власть получишь и ты, и те наши братья, что остались в кишлаке.

Ахмад погладил бороду:

– А здесь никто не скажет, что мы во время боя не покидали кишлак?

– Кому говорить, брат? Женщинам? Детям? Кто их станет слушать? И разве посмеют женщины что-то сказать против мужчин?

– Но они потеряли своих мужей!

Рамазан рассмеялся:

– Большинство из которых силой овладели ими. Или ты не помнишь, как становились женами славных воинов Карамулло несчастные девочки, уводимые из родного дома словно овцы? Но ты прав, надо на всякий случай заранее закрыть им рот. Пусть воют по своим погибшим мужьям, пусть волосы рвут, но лишнего не болтают. Для этого пошли в селение пару бой-

цов. Лучше братьев Мурдаев. Шавлата и Али. Они на кого хочешь, а не только на бесправных женщин нагонят страху. Ты понял меня?

– Понял, Рамазан!

– Тогда иди вниз, отправь Мурдаев в кишлак, остальным воинам передай команду быть в готовности убыть на территорию лагеря.

– Слушаюсь, саиб!

Салакзай взглянул на Ахмада:

– Это ты правильно сказал – саиб! Да, теперь здесь господин – я!

Ахмад покинул крышу дома Рамазана.

Салакзай продолжил наблюдение за тем, что происходит в лагере. А там пленные и небольшая группа русских спецназовцев уже грузились в транспортные «Ми-8». Вскоре вертушки взмыли в небо и пошли на запад, в Афганистан. Начало отход и второе подразделение русских. В Хайдарский проход уходили советские десантники. Их, скорее всего, будут эвакуировать из ущелья. По десанникам никто не стрелял. Или все убиты, или считают за лучшее притвориться мертвыми. И то верно. Попробуй выстрели по роте. Так тут же реактивные снаряды вертушек огневой поддержки разорвут в куски стрелка. Или сами десантники превратят в решето.

Рамазан посмотрел вниз. Увидел, как на улицу вышли братья Мурдаи. Они пошли к толпе женщин, сгрудившейся у дувала, закрывающего селение с юга. Дальше толпа идти не решалась. Это тоже хорошо, что большинство из оставшихся в кишлаке жителей собралось в кучу. Мурдаям будет легче обработать их. Да и долго разговаривать братьям не придется. Предупредят о том, чтобы женщины лишнего не болтали, и все. Те языки прикусят. Потому как понимают: откроют рот – потеряют голову. Очень даже легко.

Салакзай собрался было продолжить наблюдение за лагерем, как на крыше вновь появился Ахмад. И выглядел он встревоженным.

Рамазан спросил:

– Что случилось, брат?

Душман выдохнул:

– Твои рабы сбежали, саиб!

– Как сбежали? Они же сидели в глубоком подвале! И их охранял, ах шайтан, их же охранял один из братьев Мурдаев, Али. Но все равно, как невольникам удалось выбраться из подвала? Там же глубина около четырех метров и стены – не зацепишься. К тому же потайной люк на запоре. Как они могли сбежать, Ахмад?

Бандит пожал узкими, как у дистрофика, плечами:

– Не могу знать, господин! Как-то сумели подняться, взломать стену и сбежать.

– Откуда ты узнал о побеге?

– Твоя старшая жена Дина сказала. Она хотела поговорить с тобой, пошла в мужскую половину дома. Из окна увидела, что дверь в сарае приоткрыта. Решила проверить, почему открыт сарай. Ну и обнаружила пропажу рабов. Люк открыт, рядом валяется моток веревки, в стене пролом.

Рамазан вскричал:

– Но кто посмел открыть люк и кто принес в сарай веревку?

Ахмад тихо проговорил:

– Карим видел, как после ухода с поста Али Мурдая мимо сарая несколько раз проходила твоя молоденькая наложница Фатима.

– Фатима? Не хочешь ли ты сказать, что это она устроила побег русским?

– Я этого не говорил. Просто, кроме Фатимы, у сарая никто замечен не был.

Салакзай сплюнул:

– Этого мне еще не хватало. Но ладно, разберемся. Уйти далеко пленники не могли. Выйти в Хайдар напрямую из кишлака невозможно. А если скрылись в горах – найдем! Собак пустим, они быстро на рабов выведут. Нет им пути отсюда, кроме дороги на плантации Шарафа. Разберемся. Люди к выходу в лагерь готовы?

– Да, господин!

– Хорошо! Пусть ждут! Иди!

– Слушаюсь!

Оставшись на крыше один, Рамазан перевел бинокль на перевал за линией границы, куда могли рвануть беглые невольники. На склоне никого не обнаружил. Подумал.

Наверняка ошалели от неожиданно представившейся свободы, заметались, не зная, куда бежать. А значит, скорее всего забились куда-нибудь в пещеру и ждут, когда ночь опустится на Чиштан. Не дождутся. Салакзай выловит их раньше. Но неужели прекрасная, тихая, послушная, молчаливая Фатима, девочка 14 лет, с которой Рамазан и спал-то всего несколько раз, выпустила невольников? Нет, этого не может быть. Зачем ей это? Ведь хоть она по сути еще ребенок, но должна понимать, ЧТО ее ждет за такой проступок?! Но тогда кто освободил русских? Непонятно! Мистика какая-то! Придется оставлять Ахмада с Али в кишлаке. Пусть берут алабаев – среднеазиатских овчарок-пастухов – и прочесывают как само селение, так и прилегающую к нему территорию. Упустить рабов нельзя. Столько времени втайне ото всех, включая Карамулло, держал в подвале пленных, которых по дешевке купил у Хана, когда тот по весне объявился в кишлаке после рейда к перевалу Саланг. Столько кормил, поил, искал покупателя. Нашел наркоторговца Шарафа. Три дня назад через его человека договорились о сделке – рабы вместо опиия, и на тебе, сбежали, шайтаны. А опиий-то Шараф уже передал родственнику Рамазана, промышлявшему наркотой в Таджикистане. Опиий не вернуть. Надо отдавать рабов. Те же исчезли. Проблема. Следует обязать Али во что бы то ни стало найти беглецов. Пригрозить расправой. Младший Мурдай только на вид страшный, здоровый, как буйвол, а в душе трусливый шакал. Боли, как ребенок, боится. Напугать – землю рыть будет. А напугать не сложно. Теперь, когда он, Салакзай, здесь остался единственным начальником. Проклятые русские. Все настроение испортили. Это им дорого будет стоить, когда беглецы вновь окажутся в кишлаке. Рамазан знает, как наказать непослушных. Но поимка неверных теперь дело Ахмада с Али. Салакзай же надо сосредоточиться на лагере. Солдаты уже ушли в ущелье. Вертолеты пока кружат над перевалом. Но тоже улетят на базу, запас топлива у них ограничен. Скоро идти в лагерь. Не упустить бы время. Нужно подойти раньше, чем подойдут роты полка Хикмата. Значит, выйти следует примерно через полчаса, как только уберутся из Хайдара десантники и вертушки, чтобы обосноваться в лагере до подхода сил Хикмата.

Три месяца невольники Салакзая не видели солнца, свежей воды, нормальной пищи. Раз в две недели душ – вода из шланга под смех конопатого охранника-здоровяка Али. И духота. Днем и ночью. Хорошо еще, что никому не требовался медицинский уход. Души взяли лейтенанта Савельева, сержанта Рябова и рядовых Величко с Казакевичем по-тихому, когда те в составе разведгруппы мотострелковой роты имели неосторожность углубиться далее определенного ротным расстояния в пещеры горной гряды. Напали моджахеды внезапно. Навалились гуртом с четырех сторон, обезоружили, связали. Выволокли в ущелье, где бандитов ждали подельники и лошади. Загрузили на животных, как тюки, и вывезли в район базирования полевого командира Нури. Тот был доволен уловом. Без единого выстрела, живехонькими, без царапины, зацепить четверых советских военнослужащих, да к тому же одного офицера, пусть всего лишь лейтенанта, – это для душманов большая удача. Банда заканчивала рейд. Оставалось пройти горными тропами до Пакистана, но это уже мелочи. Главарь знал безопасный путь, где можно было не опасаться попасть под зоркое око вражеского вертолета, совершающего разведывательный полет, или нарваться на подразделение советского спецназа,

в свободном поиске рыщущее по ущельям и перевалам. Хан вывел своих душманов к кишлаку в полночь. Остановился вместе с пленными у давнего приятеля Салакзая. Рамазан радушно принял гостя. В разговоре после сытного позднего ужина и приличной дозы анаши Нури спросил, сколько за пленников даст Фархади. Зная главаря банды, его строптивый, вспыльчивый характер, что служило причиной нередких ссор Нури с полевыми командирами и самим Фархади, Салакзай ответил, что Азиз скорее всего просто отберет пленников, чем заплатит за них. И предложил купить невольников. Одурманенный наркотиком Нури не долго думал. Ударил по рукам. Салакзай за солдат отдал по пятьсот долларов, офицера оценил в тысячу. Рано утром Нури увел свой отряд в глубь Пакистана, в лагерь Зарина. В Чиштане и лагере никто не узнал о сделке, не считая верных Рамазану людей. И Фархади, и его окружение, и Карамулло даже не догадывались, что какой-то Салакзай имеет собственных рабов. И те томились в подвале сарая его усадьбы.

Первые дни в плену явились особенно тяжелыми для молодых людей. И гораздо сильнее унижений, скотского обращения, недостатка в пище было осознание того, что бойцов разведывательной группы так легко взяли в плен душманы. Что их, пропавших в пещерах военнослужащих, наверняка считают предателями, добровольно ушедшими в горы для сдачи духам. Особенно нервничал лейтенант. Провоевавший после училища в Афгане почти весь двухгодичный срок, награжденный медалью «За боевые заслуги», представленный к ордену и присвоению очередного воинского звания, он долго не мог смириться с участью пленного. Откачивался есть, пить, шатался по подвалу, бился головой о бетонные стены и в конце концов впал в депрессию. Он не видел выхода из сложившейся ситуации. До тех пор пока однажды майским днем – числам пленные потеряли счет – в проеме открывшегося люка появилась не прыщавая физиономия охранника-душмана, а закутанное в платок лицо девушки. Почему девушки, а не пожилой женщины, ведь лицо скрывала материя? Да потому что глаза явившейся внезапно к пленным гостям выдавали ее молодость. Она спустила по веревке кувшин с водой, узелок с лепешками. Их принял рядовой Казакевич. Опорожнил кувшин, отпустил крюк веревки. Не стал цеплять парашу. Постеснялся. Девушка что-то сказала, и Казакевич ответил ей. И только тогда Савельев вспомнил, что рядовой был родом из Душанбе, столицы Таджикистана. Знал таджикский язык, который понимали и на котором вполне могли говорить афганцы. Между молодыми людьми завязался разговор. Лейтенант почувствовал в голосе девушки нотки сострадания к невольникам. И это родило надежду. Пока неясно на что, но родило. Все-таки девушка убедила Казакевича повесить на крюк ведро с испражнениями. Подняв его, она ушла. Вернулась минут через двадцать. Опустила ведро, на дне которого лежал сверток! Подняв веревку, девушка улыбнулась своими черными огромными глазами и исчезла. Пленные дождались, когда охрана закроет люк. Вскрыли сверток. Там оказалось мясо баранины, несколько пучков зелени и банка сгущенного молока родного советского производства. Видимо, из числа трофеев душманов. Быстро разделившись с гостинцем, военнослужащие сели полукругом возле офицера. Лейтенант спросил у Казакевича:

– О чем ты так долго беседовал с местной дамой?

Рядовой пожал плечами:

– Да, собственно, ни о чем! Она же сначала сказала, чтобы прицепили ведро с парашей. Я ответил, не стоит, мол, рано еще. Она опять попросила прицепить к крюку ведро, добавив, что хозяин приказал ей сделать все, что ежедневно делают охранники.

Савельев переспросил:

– Хозяин? Приказал? Так кто она здесь, в этом чертовом бандитском логове?

– Наложница! Тоже, по сути, как и мы, рабыня.

Лейтенант поинтересовался:

– Сколько же ей лет?

– Четырнадцать!

– Вот как? И как зовут это юное создание?

– Фатима!

– Фатима! – повторил Савельев задумчиво и задал вопрос: – И как она относится к нам, русским? Или об этом разговора не было?

– Да я так мимоходом спросил у нее, мол, она, наверное, ненавидит советских солдат? К моему удивлению, ответила отрицательно. Сказала – русские лучше, чем моджахеды. В ее родном селении афганцы хорошо жили рядом с военной базой. Но пришли душманы Рамазана, и жизнь закончилась. Здесь она обязана пахать на своего хозяина и удовлетворять в постели все его животные прихоти.

Сержант проговорил:

– Да, достается тут девочке.

– Ты, Казакевич, узнал, где мы находимся? – поинтересовался Савельев.

– Узнал! В кишлаке Чиштан, рядом с особым лагерем подготовки моджахедов Абдула Фархади, километрах в тридцати от города Чевар. Короче, в Пакистане мы, рядом с афганской границей. Кстати, в лагере много наших соотечественников, как и мы, пленных.

Лейтенант проговорил:

– Непонятно! Рядом лагерь. В нем пленные. А мы в каком-то кишлаке. Почему Рамазан не сдаст нас Фархади?

– Это я тоже узнал. В общем, Рамазан Салакзай, наш новый хозяин, ищет покупателя, чтобы продать нас! Вот так!

– Значит, в лагере о нас не знают?

– О нас, командир, не знают даже в кишлаке. Кроме, естественно, людей Салакзая!

– Эх! Помогла бы нам эта девочка бежать?!

– Куда, лейтенант? И что она может? Мяса кусок с барского стола кинуть да парашу вытащить?

Офицер задумался, проговорив:

– Не скажи, Коля, не скажи! Но ладно, одно то, что мы знаем, где находимся, и то, что у нас есть пусть и слабенький, но союзник среди духов, уже хорошо.

Величко поинтересовался у Николая Казакевича:

– А ты, Колян, не спрашивал, какое сегодня число, день недели, а то в этом подвале все перепуталось, к едреной фене?

Казакевич ответил:

– Сегодня, Олег, четверг, 20 июня! Год, думаю, не забыл?

– Не забыл. Надо где-нибудь пометить дату!

Сержант Рябов усмехнулся:

– Зачем? Долго нас тут держать не будут!

– Но три месяца держат?

– Девка же говорила, этот ублюдок Салакзай ищет покупателя, чтобы продать нас, как баранов. А раз ищет, найдет!

– Что же делать? Лейтенант? Ну хоть ты что-нибудь придумай! Не зря же тебя четыре года в военном училище учили, да и опыт боевой имеешь! Придумай, а то так все здесь с ума сойдем. Друг другу за глоток воды глотки грызть будем!

Савельев оторвался от мыслей:

– Спокойно, ребята! Что-нибудь придумаем.

Величко сказал:

– Ну, наконец, наш лейтенант в себя пришел, а то лежал бревном на матрасе, глядя в стену. Я думал, кранты, мужик с горя дуба даст. Ан нет, ожил. И это вселяет надежду. На кого же нам рассчитывать, как не на командира?

Лейтенант впервые за все время нахождения в плену улыбнулся:

– Ты прав, Олег! Но и вы напрягите извилины. Одна голова хорошо, четыре – лучше!

– Я думаю, – сказал сержант, – надо каким-то образом дать знать о себе в кишлак. Рамазан нас скрывает, хочет продать тайно, значит, боится засветиться. Возможно, здесь за это глотки режут. А если о нас узнают в кишлаке, то наверняка заберут в лагерь. А там среди своих проще будет.

Лейтенант, соглашаясь, кивнул:

– Хорошая мысль! А главное – правильная! Надо попасть в лагерь. Для этого засветишься перед духами, теми, что не связаны с Рамазаном. Только как это сделать?

Казакевич предложил:

– А если через Фатиму? Она может шепнуть какой-нибудь соседской невольнице о том, что Рамазан втайне от всех держит пленных.

Савельев вздохнул:

– Ей за это точно голову отрежут. И потом, ты уверен, что мы увидим ее еще раз?

Со своего матраса приподнялся Рябов и спросил:

– Мужики, когда нам жратву охранник спускает, он вооружен или нет?

Пленные повернулись к сержанту. Ответил Казакевич:

– Вооружен, автоматом, который за спиной держит, я видел, а что?

Рябов обвел взглядом товарищей по несчастью:

– А если сдернуть духа за веревку вниз, когда он будет опускать пищу или парашу? Тогда у нас появится заложник и автомат! Дадим в люк пару очередей, весь кишлак на уши встанет. А сами духом прикроемся. И Рамазан ничего сделать не сможет! Нет, завалить нас, конечно, в его силах, но как потом он своим командирам объяснит, почему у него в подвале были советские пленные?

Савельев отрезал:

– Не пойдет!

– Почему, командир?

– Ну, допустим, сдернем мы духа, заберем автомат, дадим очереди, и что? Рамазан будет ждать, пока сбежится народ к его дому? Черта с два. Когда нас вели к сараю, кучу камня у забора видели?

– Было что-то!

– Вот именно, что было. Салакзай этим камнем и засыпет нас в своем подвале, а стрельба здесь, думаю, никого не удивит. Рамазан скажет, что стрелял по мишеням какой-нибудь обкуранный охранник, и все! Кто будет разбираться? Никто!

Рябов не сдавался:

– Ту кучу мы когда видели? Три месяца назад. Ее навалили не просто так, а чтобы построить что-нибудь. Наверняка во дворе уже нет того камня.

Савельев вновь кивнул:

– Допустим, камня нет, но есть вода. И подвал если не завалить, то можно затопить, что для нас означает одно и то же – смерть. Нет, мужики, Рамазан сообразит, как отмазаться. А мы подохнем в этом каземате! Надо придумать что-нибудь другое!

– Но что?

– Пока не знаю! Поэтому и говорю: думайте!

Пленные легли на свои матрасы. Думать. Искать выход. Не подозревая, что спасение рядом, и оно в той хрупкой девочке, еще ребенке, которая проявила сострадание к ним и которую невольники не надеялись больше увидеть. И, конечно, в тех событиях, что назревали в самом лагере.

Жара и духота усилились, и это означало, что время где-то около четырех часов пополудни. С четырех и до девяти в подвале было особенно тяжело. Не намного лучше и на улице, но в подвале переносить зной тяжелее. Потом, когда ночь вступит в свои права, полегчает. Вот

только ночь узникам предстояло провести в другом месте. Вне подвала. Уже не в плену, но еще и не на свободе.

Через час до пленников донеслись приглушенные расстоянием и бетоном очереди. Сначала они не поняли, что означает далекий треск. Савельев поднял голову с матраса:

– Стреляют где-то, что ли?

Рябов остался на месте:

– Похоже! Наверное, в лагере занятия по огневой подготовке проводят!

Лейтенанта ответ сержанта удовлетворил.

Действительно, если рядом лагерь подготовки боевиков, то стрельба в нем дело обычное, вот только...

Савельев воскликнул:

– А почему мы до этого времени ни разу не слышали автоматных очередей? Или огневой подготовке в лагере не уделяют должного внимания? И это на объекте, где готовят боевиков для войны с нашей армией?

Величко тоже приподнялся:

– А ведь командир прав! Раньше никакой стрельбы слышно не было!

Рябов ответил:

– Как вам вариант того, что духи совсем недавно оборудовали новое стрельбище у лагеря, а раньше использовали другое, откуда стрельба в кишлаке слышна не была?

Казакевич сплюнул:

– Ну что ты, Рябой, за человек? Так и норовишь все испортить.

– Да я что? Или не может быть того, что предположил?

Савельев приказал:

– А ну заткнулись! Всем молчать!

Пленные замолчали.

Там, откуда слышалась стрельба, ухнули два мощных взрыва, повлекшие за собой взрывы послабее.

Лейтенант воскликнул:

– Это уже не учебная стрельба! Это подрывы ликвидаторов минных полей. Я-то знаю, как рвут «чушки»! Теперь вопрос: духи сами уничтожают минные поля, которые наверняка окружают лагерь, где содержатся не только боевики, но и пленные, или это делает кто-то другой? А, военные?

Рябов почесал затылок:

– Да духам вроде ни к чему свои мины взрывать. Хотели бы убрать поля, так и без подрывов сняли бы заряды. Тем более сами же их и ставили. Но тогда получается...

И вновь Савельев прервал сержанта:

– Подожди, Миша! Подожди! На улице какое-то массовое движение. Топают, как табун лошадей. Что встревожило жителей кишлака? Один против ста – что-то происходит в лагере. Но вот что происходит в этом проклятом лагере?

– Бой там идет, вот что происходит! – сказал Рябов.

– Но, значит, на лагерь совершено нападение извне?

– А может, пленные мятеж подняли?

– Откуда же у них ликвидаторы минных полей? И для чего им их применять?

– Чтобы дорогу к границе разминировать!

– Нет, Миша! Это наши сюда пришли! А мы... в этом мешке! Черт, что-то надо делать!

Что-то обязательно надо делать!

– Может, вызовем охранника? – предложил Казакевич. – По трубе ударим, появится.

Рябов продолжил:

– И вниз его!

– Но нам наверх надо!

Пленные как по команде подняли головы к потолку. До люка было четыре метра. Не достать.

– А если пирамидой? – спросил Величко. – Главное, одного поднять. А он и веревку спустит! А?

Лейтенант приказал:

– Значит, так! Действуем по варианту с охранником! Рябов, колоти по трубе! Разговариваю с духом я! Как только он бросит веревку, Величко с Казакевичем дернут ее вниз. Резко дернут, чтобы дух не успел зацепиться за края люка. Ну а дальше посмотрим, кого наверх выводить!

Савельев повернулся к сержанту:

– Давай, Рябов, бей в набат! Пропадать, так с музыкой!

Но не успел сержант ударить прутком в полый кусок квадратной трубы, служившей единственным средством для вызова охраны в случае крайней необходимости. Крышка люка сдвинулась, и в проеме вновь показалось лицо девушки, на этот раз не прикрытое, красивое, детское. Одновременно пленники услышали рокот барражирующих где-то поблизости нескольких вертолетов и мощнейший взрыв, от которого вздрогнули бетонные стены подвала. Фатима спустила вниз веревку с крюком, к которому была прикреплена фляга, и начала что-то быстро лепетать, то и дело оглядываясь по сторонам. Затем исчезла.

Лейтенант взглянул на Казакевича:

– Что она сказала, рядовой?

– Лагерь бомбят вертолеты, атакуют неизвестные войска. Из кишлака вышел на помощь Фархади отряд Карамулло. Но Салакзай со своими верными головорезами остался в селении. Еще она сказала, чтобы смазали обувь керосином, который во фляге, это от собак, и быстро поднимались, но во двор не выходили, ломали большую стену сарая. И дальше бежали из кишлака. Но не к границе, а, наоборот, к каменной гряде, что лежит за арыком. Там начинаются остатки древней крепости Бабер. Сверху никакие укрепления не сохранились, зато под землей целый город. Еще...

Савельев остановил Казакевича:

– Остальное доскажешь на месте. Смазываем керосином подошвы ботинок, флягу забираем с собой. Потом ты, Коля, поднимайся первым и к дверям. Войдет охранник – вали его. Понял?

– Так точно, лейтенант!

– Пошел!

Казакевич быстро поднялся в сарай. Тут же доложил:

– Здесь все чисто!

Лейтенант приказал подниматься остальным.

Последним вылез из подвала сам. Вытянув веревку и, бросив ее возле лаза, указал на длинную стену напротив входа:

– Быстро сделать пролом.

Сержант спросил:

– Чем, лейтенант?

– Башкой! Или ломом, что в углу стоит. На выбор!

Величко схватил лом, ударил по саманной стене. Она поддалась легко, и вскоре пленники пробили проход на улицу кишлака, уходящую к арыку. Лейтенант осмотрел улицу, никого не заметил. Повернулся к солдатам:

– Бойцы! Я – первым, за мной Величко и Казакевич, в замыкании Рябов. К арыку бегом марш!

Лейтенант выпрыгнул на улицу и рванул на восток. Группа пленников без проблем добралась до гряды. И здесь солдаты увидели несколько колодцев.

Савельев приказал:

– Вниз! Держаться друг друга.

Бойцы по одному прыгнули в один из колодцев. К счастью, он оказался неглубоким, всего два метра, и имел выходы в галереи. Лейтенант приказал двигаться на восток. Беглецы прошли мимо колодца, уходящего на еще более глубокий уровень древних укреплений, и вышли в широкое, но невысокое квадратное помещение, от которого отходили два тоннеля. Из одного несло гнилью и противным запахом серы. Лейтенант поморщился:

– Наверное, дальше подземный водоем. С мертвой водой. Такой же я встречал в Туркмении недалеко от Бахардена. Привал!

Бывшие пленники сели на пол у стены.

Сержант спросил:

– Что будем делать дальше, лейтенант? От духов сбежали, а толку? Попали в другой каземат. Долго здесь не продержимся, у нас ни воды, ни лепешек, и наверх не выйти, оружия нету. Пару суток просидим, а потом? Опять к духам? Если, конечно, они сами раньше нас здесь не застукают. Нет, надо было на афганский перевал идти. Зря девку послушали.

Казакевич взорвался:

– Девку, говоришь, зря послушали? Так какого хрена вылезал из подвала? Сидел бы да сидел, ждал, когда немытые абреки продадут тебя, как барана. И не смей Фатиму девкой называть. Она своей жизнью рисковала, бросая нам веревку. Ведь если ее заподозрят в том, что помогла бежать пленным, смерть Фатимы страшной будет. Она собой ради нас жертвовала, а ты ее девкой, как проститутку какую!

Рябов усмехнулся:

– Во-первых, Фатиму твою никто не просил помогать нам, а во-вторых, еще неизвестно, за каким чертом она нас сюда направила. Или не знала, что тут долго не просидеть?

Казакевич поднялся:

– Рябой! Еще слово, и я тебе в физиономию заеду! Ты меня знаешь!

Лейтенант повысил голос:

– А ну отставить собачиться. Не хватало еще в подземелье между собой бойню устроить. А направила Фатима нас сюда правильно. Уйди мы в сторону перевала, духи нас из кишлака обязательно заметили бы. В селении остался Рамазан. Он тут же выслал бы погоню, и к утру мы вновь сидели бы в своем вонючем подвале, наверняка в кандалах. А торчать тут долго никто не собирается. Дождемся утра, пойдем наверх. Проведем разведку местности. По ее результатам решим, что делать!

– Я из сарая по ходу дела рацию прихватил, – неожиданно сказал Величко. – Либо охранник оставил, либо Фатима положила, либо кто выбросил ее неисправную.

– А ну-ка дай-ка станцию! – попросил вдруг Савельев.

Величко передал рацию лейтенанту. Тот тут же воскликнул:

– Работает! И аккумуляторы новые. Так, это уже кое-что! Связь – великое дело, если можно ею воспользоваться. Эта станция японская. «Привязана» к коммутаторной базе и работает на удалении от базы в сорок километров. В горах радиус действия рации увеличивается.

Рябов поинтересовался:

– А по ней нас не запеленгуют?

– Не должны! А там черт его знает. Применим рацию только в крайнем случае.

– Например?

– Что например?

– В каком, например, крайнем случае?

– В том случае, если прорвемся на территорию Афгана. Но хватит болтать. Отдыхаем до рассвета.

– Дозор выставляем? – спросил Казакевич.

Лейтенант отрицательно покачал головой:

– Нет! Не вижу смысла. Если духи возьмут след, нам от них не отбиться, потому как нечем! Если только вступить в рукопашный бой! Так что все спим здесь.

Рябов поморщился:

– Может, немного отойдем, а то тут серой смердит, дышать нечем.

– Ничего, привыкнешь! В подвале сарая Салакзая ароматы приятнее были?

Сержант махнул рукой:

– А шло бы оно все к чертовой матери. Вместе с запахами.

Величко посоветовал:

– Ты, Рябой, ботинокними да к носопырке. Керосин, он любую вонь отобьет.

Но лейтенант запретил:

– Ни одежду, ни обувь не снимать. Да и спать вполглаза. Чуть что, рванем в тоннель!

– А как же насчет рукопашки?

– Это мы всегда успеем. Все! Спим!

Рябов уткнулся лицом в стену и проворчал:

– Эх! Знать бы, что готовит нам день грядущий! Но... хер узнаешь! Скорее всего ничего хорошего.

Величко окликнул Рябова:

– Эй, младший командный состав, ты чего там сам с собой разговариваешь?

Но Рябов уже спал.

Как только стих рокот вертолетов, из груды камня вокруг широкой воронки, образовавшейся в результате подрыва штаба Абдула Фархади, выбрался черный от копоти и пыли человек. Он сделал несколько глубоких вдохов, осмотрелся. Кругом трупы, разбросанные по всему лагерю, да развалины. Впрочем, бараки и несколько палаток лазарета остались целыми. Поврежден лишь второй барак, где до налета советского спецназа размещалась специальная команда «Призраки». Выжили, очевидно, только американские инструкторы, сбежавшие, как трусливые шакалы, как только на лагерь напали русские. Человек приподнялся, ожидая, что боль пронзит тело. Но, как ни странно, боль не проявила себя. А это значит, кости целы. Человек поднялся и, прихрамывая, пошел на восток, за развалины, оставшиеся от бывших складов. Мужчина дошел до арыка. Умылся. Лег у берега арыка. Он выжил. Выжил в ситуации, при которой выжить было нельзя. Но Всевышний решил его судьбу по-своему, одному из всех, находившихся в кабинете Фархади, он подарил жизнь. Теперь он будет жить долго, очень долго. Дождаться бы только утра. Захотелось пить. Человек перекатился к арыку, сделал несколько глотков мутной, грязной воды. Пошарил по карманам. Пачка сигарет и зажигалка оказались на месте. Бывший полковник Советской Армии, командир так и не сформированной бригады «Свобода», Эркин Довлатов глубоко затынулся. От дыма затошнило, заболела голова. Пришлось применить сильнодействующий обезболивающий препарат из боевой аптечки. Головную боль как рукой сняло. Потянуло в сон. Где-то за холмом раздался гул дизелей боевых машин пехоты. Какие-то крики. Видимо, подошли силы Хикмата. Ничего не скажешь, вовремя. Как раз чтобы успеть до наступления ночи собрать в кучу трупы моджахедов и до захода солнца следующего дня похоронить их в одной братской могиле. Шайтан с ними со всеми. Пусть делают, что хотят, а он, Довлатов, будет спать. Лишь бы во сне не явился вновь тот кошмар, который пришлось пережить днем! Ему надо отдохнуть, чтобы завтра явиться в лагерь. Хикмат вряд ли решится на его ликвидацию. Слишком уж здесь удобное для подготовки душманов место. Да и семьи моджахедов обустроены в кишлаке. Правда, почти все они

потеряли своих кормильцев, но это ничего. Женщины без мужчин не останутся. Если переносить лагерь или, точнее, организовывать новый, то придется в кишлаке обустроиваться. Пойдут ли на это официальные власти Пакистана? Вряд ли. Для них и так головная боль подобные лагеря, между которыми нередко возникают серьезные, кровопролитные конфликты. Пакистанцы во внутрибандитские разборки не вмешиваются, но оцеплять районы междоусобных схваток просто вынуждены силами регулярной армии. Иначе эти конфликты могут коснуться коренного населения Пакистана. Ведь лагеря афганских моджахедов, как правило, возводились на небольшом удалении от населенных пунктов Пакистана. Преимущественно вдоль границы, там, где позволяла горная местность. Нет, лагерь не уберут. Восстановят, укомплектуют, усилят охраной, новыми мужьями для молодых вдов Чиштана, и продолжит объект готовить кадры для войны против неверных. Вопрос: кто возглавит его? Из прежнего руководства в живых не осталось никого. Назначат человека со стороны или предложат эту должность ему, Эркину Довлатову? А почему, собственно, и нет? Он в полной мере доказал свою преданность моджахедам. С советским прошлым порвал. У Фархади числился на хорошем счету, и это в штабе Хикмата знали. Довлатов такой же мусульманин, как и все полевые командиры. У него даже преимущество перед ними: приличное военное образование, знание тактики ведения боевых действий частями и соединениями Советской Армии. А главное, опыт службы в этой армии. Никто из полевых командиров Хикмата такого опыта не имел, хоть некоторые и оканчивали советские военные училища. Но не служили в Советской Армии. А учеба и практическая служба в войсках – это большая разница. Так что Довлатов в принципе имел шансы занять достаточно высокую ступень в иерархии моджахедов. За этими размышлениями и уснул полковник Довлатов, не догадываясь о том, что вряд ли дожил бы до утра, узнай о его спасении Рамазан Салакзай, который вывел своих людей на зачистку лагеря. Свидетели боя ему были не нужны. Полковника Салакзай не без оснований считал погибшим. Выжить в доме, на который обрушились две 250-килограммовые авиационные бомбы, вряд ли могли бы даже крысы.

Люди Рамазана нашли около двух десятков раненых охранников. Те просили помощь, но получили нож в горло. Добивать раненых из стрелкового оружия Рамазан запретил. Готовясь к встрече подразделений Хикмата, а возможно, и самого командующего всеми бандформированиями движения сопротивления, Рамазан не забывал о побеге собственных пленных. В 20.05 он вызвал помощника:

– Ахмад! Ответь!

– Слушаюсь тебя, саиб!

– Что с невольниками? Собаки взяли их след?

– Нет, господин!

– Что? – удивился Салакзай. – Алабаи не взяли след чужаков? Да они настолько воню пропитались, что их любая дворняжка выследит.

Ахмад вздохнул:

– Не все так просто! Русские намочили свою обувь керосином, а ты знаешь, как тот отбивает нюх даже у самой лучшей ищейки!

Удивление Рамазана удвоилось:

– Какой керосин? Откуда у пленных керосин?

– Не знаю! Но он у них был. Понятно, сам по себе керосин в подвал попасть не мог, как не могла ниоткуда появиться веревка у сдвинутой крышки люка. Отсюда напрашивается вывод: русским помог бежать кто-то из наших людей!

– Кто?

– Не знаю! Если верить Кариму – а не доверять ему, старому, преданному воину, нет никаких оснований, – то выходит, что русским помогла бежать ваша наложница, Фатима!

– Эта девочка? Ребенок? Да у нее ума на подобное не хватило бы!

– Не скажи, Рамазан, не скажи. Фатима могла затаить злобу на тебя. Представился случай, отомстила. Тем более ничего особенного для этого делать ей и не надо было. Всего лишь сдвинуть крышку люка да спустить веревку. Ну, еще керосин сбросить по просьбе русских. Все! Дело сделано!

Рамазан прокричал:

– Ладно! Я с ней сам поговорю. Она у меня во всем сознается! Передай Дине, пусть не спускает с девчонки глаз. А ты с Али Мурдаем иди к подножью перевала. Русские могли пойти только туда. Но у кишлака на вершину им не подняться, пройти по склону до проходимого участка тоже не получится, путь преградят скалы. Беглецам придется спуститься, чтобы попытаться пробиться к Хайдару. Вот тогда и бери их. Надеюсь, оружие русские с собой не прихватили?

– Нет. Я проверял! – ответил помощник.

– Вот и хорошо! До рассвета, Ахмад, ты должен водворить пленных в подвал.

– Я постараюсь, саиб!

– Постарайся, Ахмад, очень постарайся! От этого зависит твое будущее. Но все, кажется, приближается колонна подразделения Хикмата. Я навстречу, ты к перевалу! Связь по необходимости.

Ахмад, выключив рацию, подозвал младшего брата семьи Мурдаи:

– Али! Идем к перевалу! Там будем ждать пленных. Рамазан уверен, что они пошли на перевал, но подняться на него невозможно. Значит, измотав себя, неверные вынуждены будут спуститься. А мы должны их взять!

– Мы их возьмем, Ахмад!

– Конечно, Али! У нас с тобой просто другого выхода нет! Так-то! Я навещу перед уходом Дину, саиб просил кое-что передать своей старшей жене, а ты пройди на кухню, да позаботься о том, чтобы вещевой мешочек был полон еды и воды. Дурь не брать. Оттянемся, когда вернемся. Я тебя своей, из отборной индийской конопли, анашой угощу!

Али Мурдай вздохнул:

– Понял, Ахмад!

– Иди!

– Один вопрос! Алабаев возьмем к перевалу?

– Возьмем, но не тех псов, что отведали керосина, свежих.

– Хорошо!

– Через двадцать минут встретимся здесь. Разошлись!

Глава 4

Пакистан. Дорога от особого лагеря Абдула Фархади на Чевар. Четверг.

Джип с американскими инструкторами все дальше уходил от штурмуемого советским спецназом особого объекта. Над плоскогорьем появились вертолеты. Паслер, находившийся на заднем сиденье, воскликнул:

– Вы смотрите, парни, русские применяют авиацию, а пакистанцы не реагируют.

Слейтер усмехнулся:

– Не хотел бы я сейчас быть на месте Фархади. Этот придурок неплохо раздраконил русских ублюдками из спецкоманды «Призраки». Вот и пожинает плоды трудов своих.

Умберг произнес:

– Я удивляюсь, почему русские не убили нас, ведь часть их сил атаковала лагерь из балки, мимо которой проезжали мы. Спокойно могли всадить в «Хаммер» пару кумулятивных гранат.

– И одной хватило бы.

– Так почему они выпустили нас?

Сержант предложил:

– А ты, Майк, разверни внедорожник да давай назад. Найдем командира русских, у него и спросишь, почему он решил подарить нам жизнь.

Паслер сплюнул на обочину:

– Ну уж нет! Обойдусь и без ответа.

Сзади прогремел мощнейший взрыв, и тут же над «Хаммером» в сторону Чевара прошел вертолет огневой поддержки «Ми-24».

Умберг прижался к рулевому колесу.

Слейтер, проводив советский вертолет взглядом, сказал:

– Похоже, русские накрыли бомбами офис господина Фархади, отправив нашего Абдула в ад к своим бывшим подчиненным.

Паслер поинтересовался:

– Интересно, куда направилась эта вертушка?

– Думаю, встретить того, кто имеет глупость идти на помощь Фархади. Скоро все узнаем.

– А если «Ми-24» на обратном пути ударит по нам?

Слейтер, прикуривая сигарету, спокойно ответил:

– Ну, тогда следом за Фархади на небеса отправимся и мы!

– Ты так говоришь об этом, словно находишься у тренажера и ведешь виртуальный бой, а не едешь по дороге, которая может быть обстреляна с воздуха.

– От судьбы не уйдешь!

Умберг предложил:

– Сержант, а может, тормознем да уйдем в кусты, что обильно растут вдоль дороги? Лучше джип потерять, нежели жизнь.

– Нет! – ответил сержант. – Продолжаем движение.

На этот раз глухие многочисленные разрывы донесли с северо-востока.

Слейтер, сделав несколько затяжек и выбросив окурки, проговорил:

– Ну вот и достала вертушка свою цель. Оператор применяет реактивные снаряды.

После непродолжительного затишья вертолет, ранее ушедший на северо-восток, прокотал над «Хаммером», держа курс в обратном направлении к плато, где дислоцировался лагерь Фархади, и вновь советские пилоты не обратили на американский джип ни малейшего внимания.

Умберг облегченно выдохнул:

– Ух! Кажется, пронесло. Но опять непонятно, почему вертолет проигнорировал нас? Слейтер устроился удобнее на переднем пассажирском сиденье:

– Так радуйся, что русские пожалели нас! Мы, получается, теперь их должники.

Паслер сказал:

– А кому мы не должны, сержант, на этом диком Востоке? Своему боссу в Джелалабаде должны подчиняться. На разного рода ублюдков, типа Фархади, должны работать. Теперь еще и русским обязаны жизнью. Нам-то кто-нибудь и что-нибудь должен?

Слейтер ответил:

– Конечно, должны! Все перечисленные тобой, кроме, естественно, русских. Должны платить нам за работу да обеспечить организацию пышных похорон в Штатах, если кого-нибудь из нас здесь пристрелят.

За поворотом «Хаммеру» пришлось остановиться. Перед американцами открылась впечатляющая картина: дорога и прилегающие склоны были покрыты воронками, образовавшимися в результате разрывов реактивных снарядов. Далее горели несколько боевых машин пехоты, около которых в различных позах лежали полуобгоревшие останки экипажей сожженных машин. Над трассой поднимался густой черный дым.

Слейтер указал на пожарище:

– Вот вам, парни, и результаты работы русской вертушки. Неслабо она вломила духам, спешившим на помощь Фархади. Часа два дикари потеряют, расчищая путь. За это время русские уйдут в Афганистан. Да, что ни говори, а операцию по лагерю они провели на высочайшем, профессиональном уровне. Вот только интересно, бунт пленных являлся частью их плана или невольники самостоятельно подняли мятеж, не зная о присутствии за перевалом своих подразделений спецназа?

– Да какая теперь разница? – сказал Умберг. – Мне лично интересно другое, что после произошедшего станет с нами?

– И это, Майк, узнаем!

– Может, домой отправят?

– Вряд ли. Контракт-то еще не закончился! Хотя кто его знает, какое решение примут в нашем посольстве.

Паслер кивнул на дорогу:

– Смотри, духи объявились!

Действительно, из-за горевших БМП, обходя трупы, на покрытую воронками дорогу перед заблокированной колонной вышли трое мужчин в натовской военной форме. Один выделялся из троицы белой чалмой и совершенно седой подстриженной бородкой. Увидев джип, мужчины вскинули автоматы.

Слейтер достал из кармана брюк платок. Выставил в сторону, несколько раз махнул им.

Мужчины пошли к «Хаммеру».

Слейтер бросил платок на пол:

– Умберг, Паслер, стволы к бою и следить за обстановкой. Двигатель не глушить. Я к троице! Узнаю, что за птицы. Если что, убейте их. Расстояние позволяет применить «кольты»!

Сержант вышел из «Хаммера», пошел навстречу мужчинам. Вскоре они встретились.

Афганец в чалме спросил по-английски:

– Кто вы и откуда?

Слейтер улыбнулся:

– А кто, извините, вы, господа?

Старший троицы произнес:

– Я – командующий вооруженными силами Движения сопротивления советской оккупации Афганистана, генерал Мехмед Хикмат. Этого достаточно?

– Более чем, господин генерал. Наслышан о вас. Я – командир группы инструкторов особого лагеря у Чиштана, сержант морской пехоты США Энди Слейтер!

– Кто в джипе?

Слейтер вновь улыбнулся:

– А кто с вами, господин генерал?

Хикмат поджал губы:

– Вы забываетесь, сержант! Я задал вопрос, будьте любезны ответить на него!

– У вас, господин Хикмат, есть документ, подтверждающий, что я, сержант Армии США, подчинен вам?

– Вы, как я понимаю, были подчинены Абдулу Фархади!

– Ну, подчинены – это громко сказано и не совсем точно. Наши отношения с начальником лагеря регулировались контрактом, в котором о прямом подчинении Фархади не сказано ни слова.

Хикмат впился взглядом черных безжалостных глаз в глаза американца, но Слейтер выдержал взгляд высокопоставленного чина афганских моджахедов. Хикмат криво усмехнулся:

– Хорошо! Со мной мои подчиненные, советник и командир полка, чью технику вы видите за моей спиной!

– Я бы добавил – горящую технику, но это ваши проблемы. Меня так же сопровождают подчиненные, капрал Умберг и рядовой Паслер!

– Вы бросили лагерь, когда на него напали русские, и бежали, как...

Слейтер нахмурился:

– Как кто, господин генерал? Договаривайте!

– Не важно. Почему вы оставили объект тогда, когда могли оказать нападавшим эффективное сопротивление?

Сержант изобразил удивление:

– Сопротивление?? С какой это радости? Да будет вам известно, господин командующий, мы подряжались готовить ваших бойцов, а не воевать с советским спецназом. Война с Советами – ваша война. Нас она не касается! Так почему я должен был обрекать группу на неминуемую гибель? Вводите на плоскогорье свой полк и бейте русских, если застанете их в лагере, в чем я очень сильно сомневаюсь!

– А вы наглец, сержант!

– Я это слышал очень много раз. И мне от этого, господин Хикмат, ни холодно, ни жарко!

– Что произошло в лагере?

Сержант ответил встречным вопросом:

– А вы не знаете?

– Всего нет! Поэтому и спрашиваю!

– Ну, всего и я не знаю. Мы покинули лагерь, когда там все только начиналось.

– Хорошо, расскажите то, что видели до того, как... как покинули объект!

– О'кей! Все началось с того, что пленные подняли мятеж! Они устроили драку во дворе своего барака. Охрана попыталась навести порядок, но мятежники обезоружили ее, убили часовых на вышках и захватили склады, где оборудовали позицию долговременной обороны, благо на складах хранилось большое количество и оружия, и боеприпасов, и продовольствия.

– Пленные подняли мятеж одновременно с нападением на лагерь советских подразделений и авиации?

– Нет! Когда невольники устроили драку, никаких войсковых подразделений на плоскогорье не было. Это позже небольшая группа спецназа атаковала лагерь. Что было в лагере дальше, мне неизвестно.

Хикмат погладил бородку:

– Где во время бунта находился Фархади?

– В своем штабе!

– Он не мог уйти?

– А черт его знает! Но судя по мощному взрыву, который слышали отсюда наверняка и вы, вертолеты накрыли Абдула в здании. Русские применили бомбы. В лагере нет объектов, кроме штаба Фархади, для разрушения которых требуются авиабомбы. Не считая, естественно, бункера складов. Но не стали бы русские бомбить холм, внутри которого укрепились пленники. Да и взрыв был один. Возможно, от одновременного применения двух бомб. Считаю, пилоты вертушек работали по цели, зная, кто находится внутри объекта отработки. Так что, скорее всего и Фархади, и приближенные к нему лица уничтожены вместе со штабом. Но это мое мнение, не претендующее на абсолютную достоверность!

Хикмат тяжело вздохнул:

– Ладно! На месте все уточним. Куда вы направляетесь сейчас, господин сержант?

– В Чевар, где намереваюсь связаться со своим командованием для получения инструкций на дальнейшие действия группы!

– Вы останетесь при мне!

– Без вопросов, но только после того, как получу на это личный приказ бригадного генерала Робертсона.

– Хорошо!

Высокопоставленный чин моджахедов обернулся к советнику:

– Аким, радиостанцию!

Советник подал боссу телефонную трубку.

Вытянув антенну, Хикмат проговорил:

– Соедините меня с генералом Робертсоном из посольства США.

После непродолжительной паузы произнес:

– Генерал? Хикмат говорит! Здравствуйте... да, к сожалению, ничего хорошего, но мы еще не добрались до места, чтобы окончательно оценить обстановку. Мне по пути к лагерю встретились ваши инструкторы во главе с сержантом Слейтером. Они покинули лагерь, как только тот подвергся нападению. Их поведение представляется как, по меньшей мере, недружественное! Что?.. Да, вы правы, но... закроем эту тему! Я хотел бы, чтобы инструкторы продолжили свою работу. Лагерь будет восстановлен быстро, порядок охранения будет кардинально изменен и усилен. В курсантах недостатка нет, перебросим с других объектов. Ваши люди по-прежнему нужны мне. Вот только Слейтер без вашего личного приказа не намерен подчиняться мне... Согласен! Передаю!

Хикмат протянул трубку Слейтеру:

– Прошу, сержант!

Старший группы инструкторов ответил:

– Сержант Слейтер на связи!

– Это генерал Робертсон!

– Я узнал вас, генерал!

– Скажите, Энди, почему вы покинули лагерь, когда Фархади нуждался в вашей помощи?

Мне кажется, причина вашего отхода от лагеря не только в контракте.

Слейтер сказал:

– Вы правы! Ни у меня, ни у моих парней не было никакого желания класть головы ради Фархади. Он не заслужил подобной чести.

– Я вас понял! Но вам все же придется вернуться в лагерь. Не мне вам объяснять, что наша Администрация намерена и впредь поддерживать афганских контрреволюционеров. Так что выполняйте то, о чем вас просит господин Хикмат!

– Это приказ?

– Да, сержант!
– Слушаюсь, сэр! Один вопрос разрешите?
– Конечно!
– Группа переходит в прямое подчинение господина Хикмата?
– Нет! Вы останетесь в прямом подчинении мне, а с Хикматом стройте отношения на условиях, оговоренных в контракте!
– Я все понял, генерал!
– Удачи, Слейтер!
– Благодарю!
Сержант передал станцию Хикмату. Тот спросил:
– Вы получили то, что хотели?
– Я не хотел получать подобный приказ, но выполню его.
– Вот и отлично! Пока отдыхайте. Нам потребуется время, чтобы расчистить дорогу. О начале движения к лагерю я сообщу вам дополнительно!
– О'кей!

Слейтер повернулся, подошел к «Хаммеру», сел на переднее пассажирское сиденье. Закурив.

Паслер спросил:

– О чем договорились, Энди?
– Возвращаемся в лагерь. Как только дикари Хикмата расчистят дорогу.

Умберг воскликнул:

– Так этот мэн в чалме и есть Хикмат?
– Да!
– А почему мы должны подчиниться ему?

Сержант взглянул на Умберга, перевел взгляд на Паслера, так же ожидавшего ответа на поставленный вопрос.

– Потому что я получил на это приказ Робертсона.
– Так это ты с ним говорил по трубе?
– Ты догадлив, Фил!
– Значит, лагерь будут восстанавливать?
– Да!

Умберг улыбнулся:

– А ведь это совсем не плохо, парни!
– Что ты имеешь в виду? – спросил Слейтер.
– То, что мы по-прежнему сможем нырять к Фаруху, а представь, перекинули бы нас куда-нибудь на север в горный лагерь, так от тоски там сдохли бы. Без виски и проституток здесь вообще цивилизованным людям долго находиться не рекомендуется.

– Кем не рекомендуется?
– Да какая разница? Не рекомендуется, и все! Не знаю, как вы, а я доволен, что нас возвращают в лагерь Фархади.

Слейтер поправил Умберга:

– Во-первых, ублюдка Фархади больше в природе не существует, во-вторых... ты прав. Лучше остаться на прежнем месте, чем быть сосланным неизвестно куда. Но... хватит разговоров. Можем отдохнуть, пока дикари восстановят проезд.

Сержант включил радиоприемник внедорожника, настроил его на одну из западных станций. Качество приема никакое, но все лучше, чем слушать местные напевы.

Ведомая Хикматом колонна, к которой примкнул и «Хаммер» американцев, начала движение в 20.35 и в 22.20 вышла к разгромленному лагерю. Оставшиеся не поврежденными после налета советского вертолета огневой поддержки БМП-1 афганских моджахедов разошлись в

разные стороны и охватили объект с трех сторон, оставив незаблокированным сектор выхода к кишлаку Чиштан.

Хикмат спрыгнул с брони, поправил обмундирование и белоснежный головной убор. Около него выросли командир полка и советник. Со стороны барака № 2 подбежал Рамазан. Он знал в лицо командующего, но никогда не общался с ним.

– Ассолом аллейкум, господин Хикмат! Разрешите представиться?

Высокопоставленная особа, не ответив на приветствие, коротко бросила:

– Ну?

– Я – Рамазан Салакзай, командир четвертой боевой группы отряда Азиза Карамулло. Один из немногих, кто уцелел в бойне, устроенной здесь неверными шакалами.

– Как же ты сумел уцелеть, когда почти все люди Фархади погибли?

Рамазан потупил взор:

– Возможно, это и не скромно с моей стороны, но я не только уцелел сам, но и сохранил основную часть подчиненной мне группы. Потому что вел бой, исходя из реально складывающейся обстановки, а не тупо, как покойный Карамулло, который фактически подставил отряд под пули и снаряды сил русских, вышедших из Хайдарского прохода. Я говорил Карамулло, что если неверные решились на штурм, то будут проводить его значительными силами, а не малой группой, которая действовала из балки, что находится левее расположения бронетехники. Но Азиз не слушал меня. А ведь стоило ему на время задержать отряд у входа в лагерь с севера, и русские, вышедшие из прохода, попали бы под фланговый огонь, что остановило бы их наступление. Однако, к сожалению, Карамулло поступил по-своему, я же вывел группу к холму и оттуда вел бой с неверными.

– И тебя не накрыла авиация?

– Она не могла ударить по позициям группы без риска уничтожить склады с пленными.

– И много твои воины положили русских?

Салакзай не моргнув глазом солгал:

– Более десятка спецназовцев! Замечу, что ранее, совершая рейд в Афганистан, моя группа разгромила автомобильную колонну русских и взвод ее боевого охранения на Тургунском перевале, приведя сюда троих пленных, в том числе одного офицера, а до этого сбила два вертолета неверных!

Хикмат с интересом посмотрел на Рамазана:

– Да ты у нас герой, Салакзай! Мне докладывали о разгроме колонны на Тургунском перевале, но помнится, операцией руководил Карамулло. Что на это скажешь, воин?

– Карамулло не руководил операцией. Он провалил акцию в Ширванском ущелье и вынужден был отступить. Колонну и мотострелковый взвод атаковала группа Хашима, руководство которой после гибели штатного командира я принял на себя. В самый разгар боя, что может подтвердить каждый их тех, кто участвовал в акции на Тургунском перевале. А почему вам доложили, что операцией на перевале руководил Карамулло, я могу объяснить.

Хикмат кивнул:

– Объясни!

– Азиз, понимая, что может потерять благосклонность Фархади, узнай Абдул, что на самом деле произошло во время рейда, попросил меня доложить Фархади, что именно он, Карамулло, руководил акцией на перевале. Я согласился. Не хотел подставлять командира. И никогда не рассказал бы правды, останься он в живых. Но Карамулло погиб, и далее что-либо скрывать или исказить не имеет смысла. Он был хорошим, бесстрашным и безжалостным к врагам полевым командиром, но почему он не слушал меня? Тогда мы имели бы шансы продержаться до подхода ваших сил и не выпустили бы пленных со складов.

Хикмат спросил:

– Каковы наши потери?

– Не считал, саиб! Но, обходя лагерь, а также участок, с которого Карамулло пытался развить наступление на лагерь, видел много убитых. Думаю, русские не оставили после себя раненых и добились их.

– Да? Но это не в привычках советских подразделений специального назначения. Обычно они не трогают тех, кто не представляет для них угрозы.

Рамазан вывернулся:

– Я и не имел в виду спецназовцев. Добить раненых могли бывшие пленные. И это объяснимо. Они отомстили за свое унижение.

– Что ж, это возможно. Ладно, русские давно ушли?

– Полностью закончили эвакуацию своих сил и пленных часа полтора назад.

– Каким образом они отходили?

Салакзай ответил:

– После разгрома отряда Карамулло и уничтожения штаба Фархади, на который советский вертолет сбросил две бомбы, отдельно действовавшая группа спецназа перенесла огонь на позиции моей группы. Что заставило нас спуститься вниз и лишило возможности на время продолжать бой. Этим обстоятельством воспользовались пилоты вертолетов «Ми-8». Они посадили машины на плац. Их прикрывали «Ми-24». «Ми-8» забрали пленных и группу и ушли по ущелью в Афганистан. После чего отход начало более крупное подразделение. Я вынужден был увести своих бойцов к арыку, так как после эвакуации пленных русские должны были подорвать склады, что означало бы и гибель моих подчиненных. Они и подорвали склады. Когда мы смогли вновь войти в лагерь, то русские уже втянулись в Хайдарский проход. Оттуда их эвакуировали транспортные вертолеты. Это все, саиб!

– Где сейчас твои люди?

– Они прикрывают выход из Хайдарского прохода.

– Хорошо! Твоих людей сменяют. Отдыхайте. Утром я объявлю решение относительно дальнейшего функционирования лагеря. Иди!

Салакзай поклонился, пятясь, отошел от высокого начальника и, развернувшись, побежал за барак.

Хикмат подозвал советника:

– Пошли людей в кишлак. Пусть поговорят с женщинами. Узнают, что произошло в селении, когда стало известно о мятеже пленных и появлении на плоскогорье русских.

– Но они, саиб, сейчас больше думают о том, как найти своих близких и похоронить их.

– Согласен. Но не все же потеряли мужей, братьев, отцов? В Чиштане проживают семьи не только мужчин отряда Карамулло, но и бойцов Нури, Хана.

– Ясно! Я пошлю в кишлак людей!

– Немедленно, Аким!

– Слушаюсь!

Хикмат подозвал командира полка:

– Ты, полковник, направь один взвод к Хайдарскому проходу. Пакистанцы, видимо, не собираются усиливать границу. Сделаешь это ты. Далее! Бойцов второго взвода брось на прочесывание лагеря, а точнее осмотр трупов. Мне важно знать, много ли людей Фархади убито холодным оружием. Третий взвод разделишь. Два отделения в качестве патруля отправишь к кишлаку с задачей удерживать жителей в пределах селения, не дать им возможности прийти сюда. Одно отделение выставишь за подорванным холмом у арыка. Там местность тоже следует прочесать. Четвертого взвода у нас, увы, нет! Отдых личному составу после выполнения мероприятий. В режиме двухсменного караула. Вопросы ко мне?

– Вопросов нет, саиб!

– Выполняй приказ!

– Слушаюсь!

Командир полка направился к ближайшему БМП. Вместо советника и командира полка появились телохранители Хикмата. Они встали на небольшом удалении от полевого командира, взяв его в кольцо. Хикмат задумался, пытаясь восстановить картину штурма, неожиданно предпринятого подразделениями советского спецназа. Особо беспокоило высокопоставленного террориста то обстоятельство, что довольно разветвленная агентурная сеть моджахедов, внедренная и в части советских войск, пропустила подготовку и проведение крупномасштабной операции против особого лагеря Фархади. От разведки душманов в штаб Хикмата не прошло ни одного сигнала о готовящейся операции на территории Пакистана. Это говорило о многом. В первую очередь о том, что Советы в состоянии нейтрализовать его разведку. А это очень и очень плохо. Сегодня русские решились разгромить лагерь Фархади, завтра они могут спланировать и провести боевую операцию против штаба самого Хикмата в окрестностях Чевара. Почему нет? Ведь Чиштан и Чевар разделяет чуть более тридцати километров. Не подумали ли о передислокации главного штаба в более отдаленное от границы место? Наверное, все же придется не только подумать, но и провести скрытную, насколько это возможно в условиях активной деятельности советской разведки в Пакистане, передислокацию.

Размышления Хикмата прервал сигнал вызова на персональной рации полевого командира. Он ответил:

– На связи!

– Саиб? Говорит командир третьего отделения второго взвода роты подчиненного вам полка.

– Короче, командир!

– Мы обнаружили у арыка человека.

– Что за человек?

– Он представился соратником Фархади, командиром формирующейся на территории лагеря бригады «Свобода» бывшим полковником Советской Армии Эркином Довлатовым!

Хикмат знал о Довлатове. О том, что тот должен был сформировать из предателей родины крупное воинское подразделение, названное бригадой. Более того, идея создания таких подразделений принадлежала Хикмату. Эта идея должна была быть воплощена в жизнь в лагере Фархади. Но дальше спецкоманды карателей дело не пошло. Хикмат хотел разобраться, почему не пошло, но все не доходили руки. Вот и представился случай узнать. Он приказал командиру отделения:

– Довлатова ко мне! Я нахожусь за баракком № 2. Увидите! Выполняйте!

– Слушаюсь, господин! Выполняю!

Вскоре к высокопоставленному бандиту подвели предателя. Выглядел он плачевно. Физиономия в кровоподтеках, засаленные, свалывшиеся волосы, рваная, грязная униформа.

– Кто ты, человек, спавший у арыка? – спросил Хикмат.

– Разве вам не доложили?

Главарь бандформирований повысил голос:

– Изволь отвечать, когда тебя Хикмат спрашивает!

– Извините, саиб, не знал, кто вы. Я – командир формируемой бригады «Свобода», куратор спецкоманды «Призраки» полковник Эркин Довлатов.

– Что делал у арыка?

– Отдыхал!

– Где был во время боя с русскими?

– В штабе Фархади, вместе с начальником лагеря, его помощником, охраной и связистом.

– Как же ты выжил после бомбежки штаба авиацией неверных?

Довлатов перевел дыхание:

– Я все объясню, саиб! Как только пленные подняли мятеж и захватили склады, я сказал господину Фархади, что невольники не пошли бы на бунт, не будучи уверенными в том, что

им помогут. Помощь к ним могла прийти только из Афганистана. К подобным акциям обычные армейские подразделения не привлекают, а используют силы специального назначения. Фархади отмел мое предположение. До момента, когда по лагерю ударила небольшая группа спецназа. Она применила ликвидаторы минных полей...

Хикмат прервал доклад Довлатова:

– Стоп! Откуда ударила эта небольшая группа?

– Из южной балки!

– Значит, на момент штурма и во время начала бунта она уже находилась в овраге?

– Получается, так!

– А разве подходы к балке не были заминированы?

– Были! Вероятно, спецназ, рассредоточившись в ущелье за перевалом в ночь со среды на четверг, выслал к балке саперов, которые сделали проход в минном поле, прикрывающем овраг.

– Следовательно, мятежники и спецназ действовали по единому плану? Каким образом русские могли войти в контакт с пленными?

Полковник пожал плечами:

– Не могу знать, господин генерал. За безопасность лагеря отвечал комендант Кадыр Абдужабар. Я не имел доступа к охране объекта.

Хикмат кивнул:

– Ладно! Вернемся к тому, как ты выжил.

Довлатов продолжил:

– Так вот, когда стало ясно, что против лагеря работает группа спецназа, я повторно обратился к Фархади, пытаюсь объяснить, что фланговая группа – одно из подразделений тех сил, что наверняка подтянуты к границе. И эта группа имеет локальную задачу. А основной удар будет нанесен по лагерю другим, более крупным подразделением. Фархади спросил, что из этого следует. Я предложил покинуть штаб и отойти за холм, где размещаются склады, захваченные пленными. Абдул отказался. Я сказал, если наземные силы русских с ходу не сломят оборону лагеря, то непременно применят авиацию. И первой целью для вертолетов огневой поддержки станет как раз штаб. Фархади заявил, что русские не посмеют нарушить воздушное пространство Пакистана. В общем, он не хотел меня слушать, тем более Фархади поддерживал помощник Ширзад. А когда в небе появились вертолеты, что-либо делать было поздно. Я выпрыгнул в окно со второго этажа и успел откатиться от здания за считанные секунды до того, как один из «Ми-24» сбросил на штаб две бомбы. Дальше – огненная вспышка, удар взрывной волны и... потеря памяти. Пришел в себя, когда все уже кончилось и русские ушли. Фархади говорил, что от Чевара идет помощь, но ее все не было. И я не знаю, почему отполз к арыку. Вколол промедол. Уснул. Голова совершенно не работала. Болела. Наркотик снял боль, но вызвал сон. Подняли меня бойцы, что привели к вам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.